

Православное

КНИЖНОЕ май 2016 ОБОЗРЕНИЕ

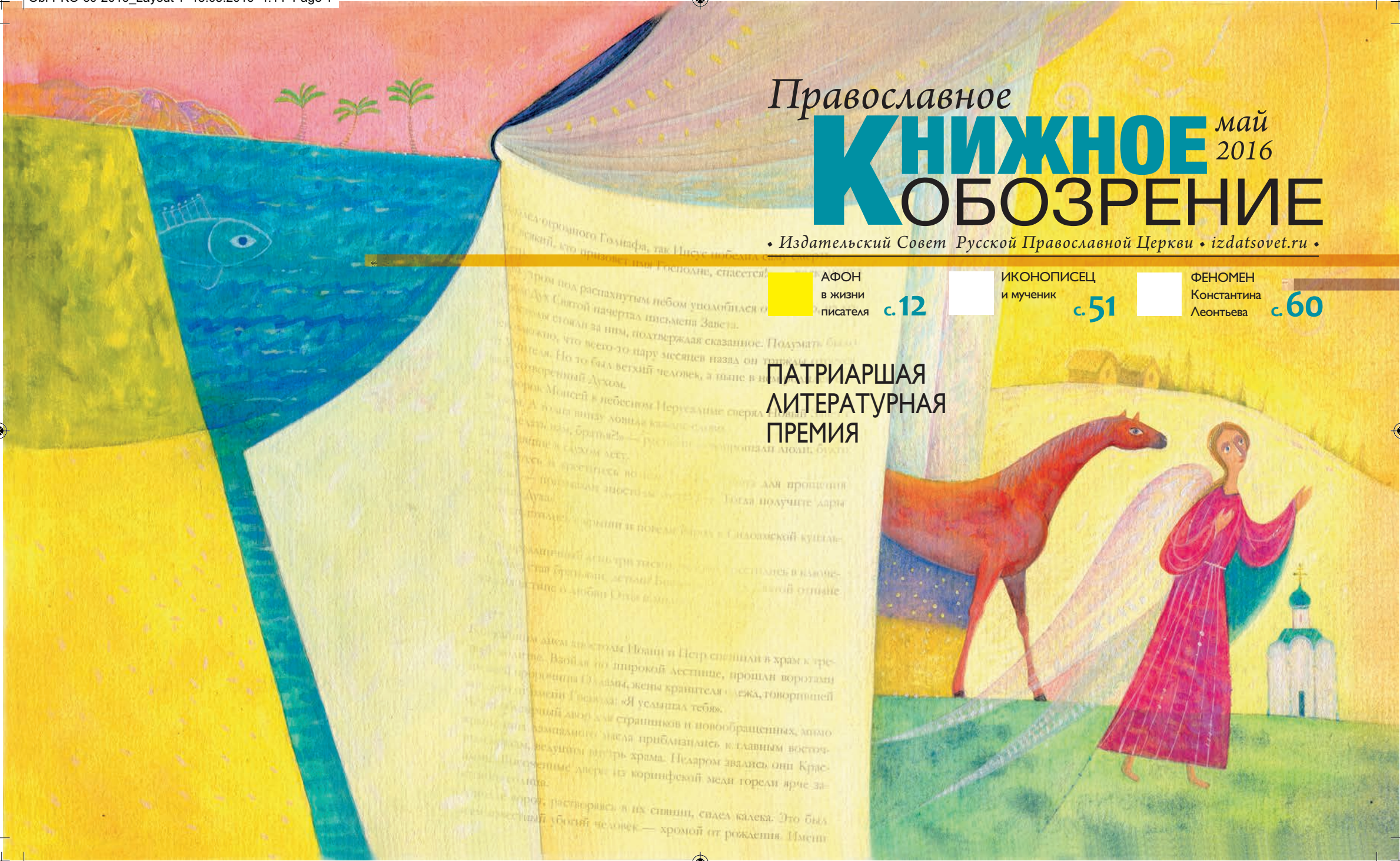
• Издательский Совет Русской Православной Церкви • izdatsovet.ru •

АФОН
в жизни
писателя **с.12**

ИКОНОПИСЕЦ
и мученик **с.51**

ФЕНОМЕН
Константина
Леонтьева **с.60**

ПАТРИАРШАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ

СТУК В СЕРДЦЕ

**МАКСИМ
БОЛЬШАКОВ,**
*ответственный
редактор
«Православного
книжного обозрения»*

«Се, стою у двери и стучу» (Откр. 3:20) — обращается ко всем людям Спаситель. Любое слово Священного Писания истинно, а значит, Господь и сейчас стучит в дверь каждого дома и квартиры, в конечном счете, в каждое человеческое сердце. Тому, почему люди не слышат этот негромкий стук Господа и не отзываются на него, посвящено эссе одного из номинантов Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия протоиерея Андрея Ткачева, опубликованное в этом номере. Сейчас хотелось бы сказать и о непосредственной связи этого новозаветного изречения с самим писательским творчеством. Любой подлинный художник, и в первую очередь, художник слова, когда-нибудь слышал этот «странный звук» («то ли сердца, то ли стук в дверь»), после которого он уже не может не творить, не открыть в меру своих возможностей ту тайну, которая коснулась и его души. (Обратно верен и другой известный афоризм: «Если ты можешь не писать, то и не пиши».) Христианин понимает, Кто постучался в тот момент в глубину его бытия. Не каждому дано умение передать другим этот призыв Господа, но, безусловно, Бог может постучаться в сердце человека и через литературное произведение. Простая житейская история, изложенная талантливым и чутким писателем, может сподвигнуть человека увидеть окружающих людей добрыми и сострадательными глазами (именно этого и ждет от нас Христос). Исторический очерк может открыть многое о Промысле Божиим о человечестве. Исследование мировоззрения того или иного мыслителя, может заставить и читателя задуматься над жизненно важными для него философскими вопросами. Искреннее, выстраданное жизнью эссе поможет глубже понять и собственный духовный опыт... Проблема в том, что лукавый дух века сего часто просто не подпускает человека к той области, где Бог мог бы постучаться в его сердце и этот звук не был бы заглушен шумящей суетой этого мира. Не в последнюю очередь, задача Патриаршей литературной премии — обратить внимание общества на тех творцов слова, писателей и ученых, которые помогают людям открыть двери своего сердца Богу. Номинантам этого литературного конкурса будет целиком посвящен этот номер.

Журнал «Православное книжное обозрение»
Ежемесячное издание

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-44140 от 4 марта 2011 года

Ответственный редактор — *М. В. Большаков*
Автор оригинал-макета — *А. Б. Лопатина*
Рисунок на обложке — *Е. Н. Подколзин*
Верстка — *А. В. Соколова*
Библиограф — *В. А. Шарапова*

Члены редколлегии:

С. В. Буянов, руководитель секретариата информационных технологий Издательского совета
Иеромонах Макарий (Комогоров), помощник председателя Издательского совета
Диакон Константин Цветков, помощник председателя Издательского совета

Подписано в печать 13.05.2016

Адрес для писем: 119435, Москва, ул. Погодинская 20, стр. 2,
редакция «Православного книжного обозрения»

E-mail: pko@pcroc.ru

Сайт: www.izdatsovet.ru

Тел.: 8 (495) 789-90-45 (добавочный 22-29; распространение и подписка — 22-33), факс 8 (495) 789-90-15

Распространение и подписка — *диакон Виталий Эркин*

E-mail: exr@pcroc.ru

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар»

Православное
КНИЖНОЕ май
2016
КОБОЗРЕНИЕ
№ 5 (060)

НОМИНАНТЫ

( ):
,
( ),

ПРЕМИЯ

ИЕРЕЙ

НИКОЛАЙ БЛОХИН

5 Без тюрьмы я бы не стал писателем (интервью) 6

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

11 На Афоне становишься свободным (интервью) 12

МОНАХИНЯ

ЕВФИМИЯ

(ПАЩЕНКО)

22 Вера — удел мужественных людей (интервью) 25

БОРИС ЕКИМОВ

33 Русская литература незаметна, как воздух (интервью) 34

АЛЕКСЕЙ КАРПОВ

41 Русская история богата великими святыми (интервью) 42

ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВ

49 В мутном потоке читая ярче выделяются талантливые книги (интервью) 50

БОРИС ТАРАСОВ

57 Тайна человека связана с тайной истории (интервью) 58

ПРОТОИЕРЕЙ

АНДРЕЙ ТКАЧЕВ

64 Не стоит играть в вечную серьезность (интервью) 66

ПРОЗА

ПРИХОЖАНКИ

Иерей

Николай Блохин

7

НОМИНАНТЫ

( ):

ПОДАРОК

А. Громов

15

ЭССЕ

ДЛЯ КОГО
ПОЕТ ПТИЦА

Монахиня
Евфимия (Пащенко)

28

«СЕ, СТОЮ
У ДВЕРИ
И СТУЧУ...»

Протоиерей
Андрей Ткачев

29

КАК НАУЧИТЬСЯ УЛЫБАТЬСЯ

Монахиня
Евфимия
(Пащенко)

ПАРА ОСЕННЕЙ ОБУВИ

Б. Екимов

35

ИСТОРИЯ ГОД 1053

А. Карпов

35

ВЛАДИМИР — ИКОНОПИСЕЦ

В. Сергеев

51

ПУБЛИЦИСТИКА

НЕУЗНАННЫЙ
ФЕНОМЕН

Б. Тарасов

60

ИНКУЛЬТУРАЦИЯ

Протоиерей
Андрей Ткачев

68

70

ИЕРЕЙ НИКОЛАЙ БЛОХИН

БИОГРАФИЯ

1945 . 1964 21 - . -

. 1966 - . :« » -

1967 (1990-) « » -

. 1971 1974 - — . -

1976 - . -

. 1979 ( ) - . -

( ) - . - ?

. 200.000 12 2012 -

.6 1982 -

10 4 . 5 2012 -

1994 . -

. 1996 . -

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Романы:

-
-
-

-
-
-
-

Повести и рассказы:

-
-
-

-
-
-

-
-
-
-
-

-
-
-
-
-

БЕЗ ТЮРЬМЫ Я БЫ НЕ СТАЛ ПИСАТЕЛЕМ

ИНТЕРВЬЮ

— *Отец Николай, когда вы начали свою творческую, писательскую деятельность?*

— Что из вами написанного вам дороже всего?

— : « » , « » ,
« - » .

— Есть ли у вас ученики?

Беседовал Василий Бакланов.
Информационный отдел
Амурской епархии

ПРИХОЖАНКИ

РАССКАЗ

« ! » —

— « » .

— ?

— ? ?

— ?

— ?

— ? —

она улыбнулась еще шире. — Но надо.

— Лучший в мире муж с работы приходит?

— Он не работает.

— Болеет?

— Его выгнали отовсюду.

— И... а? А за что?

— Да за все, — улыбка ее окрасилась покорной горечью. — Мне его еще найти надо, да до дома довести.

— Или донести? — настоятель теперь вспомнил ее, вспомнил разом, одним ударом.

— Бывает и так, — ответила она, не переставая улыбаться, со все той же спокойной горечью, но без досады... а разве бывает досада, или что-нибудь такое, на радостной улыбке?

Да, изменилась она очень. Село Хомутово большое, видел он ее до отъезда редко, но про этого отъявленного подонка, за которым она была замужем, знали все хомутовцы. У здешних с Хомутово почти никакой связи, отсюда за ненадобностью сюда почти никто не ездит. Понятно, что местные бабы завидуют ей, когда слышат от нее, что у нее лучший муж в мире. Хомутовские же бабы прочно считают ее ненормальной. И что она не выгонит его, дом ведь ее? Дай бы волю Хомутовским бабам, он бы оврагом и пулеметной пулей не отделался бы. Бил он ее без счета, изменял еще больше, все, что сумел пропить — пропил. Когда-то взяли у пивной с каким-то приездом, которому он шубу ее загонял, собираясь посадить одного за кражу, а другого — за скупку краденного, она четко ответила, что шубу она супругу подарила и это его собственность. Участковый только рукой махнул. Лютой ненавистью он ненавидел этого гада, когда в больнице сидел у

нее, зверски избитой, умолял дать показания и ни разу их не добился.

— Я люблю его, — ответила она последний раз, радостно улыбаясь, — и перед Богом за него ответственна.

— Ну и дура ты ненормальная, — взъерился тогда участковый.

Нет, не дура и не ненормальная смотрела сейчас на настоятеля. И никакой горечи не было в ее глазах. Спокойное, тихое счастье глядело на священника. Он даже головой мотнул и перекрестился.

— Зачем ты говоришь, что у тебя лучший в мире муж?

— А так и есть. Это же мне Божий подарок. Испытание. Мне доверено довести его до покаяния, в этой ли жизни, при смертном ли одре — не ведаю, — она опять улыбалась. — Ведь в семье главная ответственность на православном, неважно, мужчина он, или женщина... А сказано: «Кому много дано, с того много и спросится». Значит, мне так много дано, коли такой человек мне Господом доверен! И если через этого человека мне это дано понять... и меру моей ответственности за него... Ну, кто же он, как не лучший в мире муж? Разве не надо благодарить тех людей, через которых мы несем Божий крест? А я... я хуже его перед Богом, если несу крест как-то не так. Значит, мало во мне любви, мало радости от осознания моего креста. Об этом надо думать, а не о чужих грехах. Простите, пойду я, а то автобус уйдет. Благословите...

И чудился настоятельно сверкающий крест радости на плечах уходящей, который она обязательно донесет.

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

БИОГРАФИЯ

Александр Витальевич Громов родился 26 января 1967 года в г. Подольске Московской области. В 1968 году семья переехала в г. Самару (тогда — Куйбышев), где и живет по настоящее время. Воинскую службу проходил в Афганистане. Награжден медалью «За боевые заслуги». После службы в армии работал в Советском районном комитете ВЛКСМ сначала инструктором, а затем вторым секретарем райкома. Работал заместителем редактора газеты «Молодежная волна». В 1993 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького. С 1994 года член Союза писателей России. С 1995 года работает в Самарской областной писательской организации: сначала в должности литературного консультанта, затем заместителем председателя правления, а с 2004 года председателем правления. С 2005 года секретарь правления Союза писателей России.

Автор пяти книг прозы. Публиковался в журналах «Москва», «Русское эхо», «Русская провинция», «Всерусский соборъ», «Родная Ладога», «Немига» и других. Лауреат Всероссийской литературной премии «Русская повесть» (1996), лауреат Губернской премии в области литературы и искусства (2005), лауреат всероссийской литературной премии им. Александра Невского (2011). Руководит молодежной литератур-

ной студией при Самарской областной писательской организации.

За последние годы провел в Самарской губернии несколько мероприятий всероссийского масштаба: 75-летие Самарской областной писательской организации, торжественное празднование юбилея журнала «Русское эхо», всероссийский конкурс литературной критики «Русское эхо». Является председателем Общественного совета при Самарской и Сызранской митрополии.

В 1995 году А. В. Громов основал литературный журнал «Русское эхо», который стал настоящим явлением в современном литературном процессе. Журнал объединяет писателей, следующих русской традиции в литературе, а значит, осознающих Божественную сущность Слова и служащих в первую очередь Ему. Символом журнала стали святые Кирилл и Мефодий, которые с первого номера благословляют читателей с обложки журнала. На февраль 2016 года вышло в свет 109 номеров. В 2007 году журнал «Русское эхо» отмечен грамотой Союза писателей России и Всемирного Русского Собора как один из ведущих региональных журналов России.

Выдвинут на соискание Патриаршей литературной премии Самарской областной писательской организацией.

О КНИГАХ ПИСАТЕЛЯ

А. В. Громов является автором пяти книг прозы: «Легкое терпкое вино» (1997), «Слава Богу за все» (2000), «О Любви» (2003), «Паракало» (2010), «Государственное дело» (2011). Книга «Паракало» переиздавалась четыре раза. В московских издательствах выходила под названием «Восемь дней на Афоне», последнее издание в 2015 году («Сибирская благовонница»). Предисловие к первому изданию написано иеромонахом Николаем (Генераловым). Предисловие к книге «О Любви» написано первым лауреатом Патри-

аршей премии Владимиром Крупиным. В своем творчестве А. В. Громов продолжает традиции великой русской литературы. А. В. Громов в одной из своих статей определил для себя литературу как проповедь на паперти. К сожалению, написано Громовым немного: к 50-ти годам всего пять книг, и во многом виною тому огромная общественная деятельность, в жертву которой приносилось литературное творчество.

НА АФОНЕ СТАНОВИШЬСЯ СВОБОДНЫМ

ИНТЕРВЬЮ

— *Кто Ваш читатель? О чем и как Вы считаете должным говорить с ним? Как бы Вы сами могли характеризовать свои книги?*

— Сначала попробую ответить на вопрос, о чем должно говорить. Мне представляется, что вообще любое деяние, которое не славит Бога, отдаляет от Него. Это не значит, что каждый, кто говорит «Господи, Господи», наследует Царствие Небесное, но ты так сделай дело (будь то делание табуреток или уборка двора), чтобы оно органично вписывалось в созданный Богом мир, ну или хотя бы не нарушало его. Это же в полной мере относится к литературе. Другой вопрос: а что я, собственно, могу сказать?

Лет, наверное, пятнадцать назад после Литургии, когда священник произносил проповедь, я подумал, что никогда не смогу говорить так, как он. Потому что у меня нет такого опыта предстояния пред Богом, и потому не смогу говорить для людей, которые находятся в церкви. Это меня несколько опечалило. Но вот я вышел из храма на большую прицерковную площадь, а там столько народа! Молодые мамы катали коляски, молодежь разъезжала на велосипедах и скейтбордах, те, кто постарше, прогуливались, еще более старшие сидели на лавочках — и никто из них не был сейчас на Литургии. Они были возле храма, они видели храм, может, кто-то и крестился, глядя на купола и кресты, но они не заходили

внутри. «Вот, — подумал я, — им я могу говорить на понятном для них языке».

В то время это открывшееся широкое поле деятельности меня приободрило и испугало одновременно, потому что тут же возник тот самый вопрос: а кто я такой, чтобы брать на себя такую ответственность говорить о Боге? Но и не говорить не могу, ибо стану подобным тем лжецам, которые знают о Боге и молчат. Вот, наверное, потому и пишу мало и осторожно. Хотя, скорее всего, это я сейчас ищу оправдание собственной лени и отвлеченности на все возрастающую во круг суету.

А о чем книги? Мне хочется думать, что о Любви. К Богу, миру, человеку. Ну, по крайней мере, мне именно так хочется думать. А уж насколько намерения совпадают с реализацией узнаем уже не здесь.

— *Как Вы оцениваете сегодняшнее состояние отечественной и русскоязычной литературы? В чем ее главные проблемы, и на что есть надежда?*

— Мне трудно давать оценки всей литературе. Тут с собой-то никак не разберешься. Но, если исходить из того, что литература — это отражение окружающего мира, то и главная проблема ее, как и всего мира, мне видится во все большем увлечении чувственным. Литература, как и сама жизнь, становится все больше виртуальной, превращаясь из реального бытия в некую игру. А раз это — игра, то можно относиться к этому несерьезно, ну, не получилось сейчас, так ведь можно еще раз попробовать: в этой игре много жизней. Так рождаются тексты ради самого текста, которые все больше отрываются от основания мира. А основа мироздания — Бог. Писатель перестает

быть пророком, а все больше уподобляется бармену, мешающему разные коктейли по желанию заказчика. Ну, и бармены разные бывают: одни в ресторане, другие в пивном ларьке, но суть одна: потакание чувственному миру, требующему все больше хлеба и зрелищ. И от соблазна прислуживать такому понятному нутру трудно удержаться. А если есть еще перспектива перейти в элитные разливальщики...

Это, конечно, проблема, но, как ни странно, в этом же и надежда. Ибо где грех, там преизобилует благодать. Это не значит, что мы должны грешить. Просто в человеке, который не задавил заботами века сего всеянное в него при рождении Божественное семя, растет все больше сопротивление насилию мира. Все сильнее жажда очищения. Все сильнее стремление к свободе, которая возможна только в Боге. Это и дает надежду. При Самарской областной писательской организации действует молодежная литературная студия и я читаю много текстов молодых авторов. Так вот эти тексты дают серьезные основания для этой надежды. Хочется, конечно, чтобы надежды переросли в уверенность, но вот тут как раз и поле деятельности писателя вне письменного стола, из которого тоже надо выбираться.

— *В этом году мы отмечаем тысячелетие русского афонского монашества. Вы знаете и любите Святую Гору. Что необходимо знать об Афоне, как сделать, чтобы больше людей узнали об этом?*

— Тут не надо впадать в крайности и не устраивать некую рекламную кампанию, типа «не покупай айфон — съезди на Афон». С другой стороны, говорить об Афоне надо и даже необходимо. Это не значит, что у нас нет в России

намоленных мест, где Божье присутствие ощущается полнее и явственнее: Дивеево, Валаам, Троице-Сергиева Лавра, да и в каждой области есть свои особо почитаемые места, в Самарской губернии, например, есть источник Божией Матери «Избавительница от бед», к которому каждый год идет трехдневный крестный ход. Мне даже кажется, что об этих местах, которые рядом с нами, о святой земле, на которой мы живем, говорить надо больше.

А Афон... Для меня это то, что вошло в сердце раз и навсегда. Вот уже восемь лет я стараюсь каждый год ездить туда. И каждый раз думаю: зачем? Обычно езжу осенью и потом до Рождества удается сохранить более-менее мирное состояние. В этом году не знаю, удастся ли поехать? Хотя, может быть, чтобы ответить на вопрос «зачем?» и надо лишиться такой поездки.

И все же скажу, почему мне дорог Афон, но это, наверное, будет самое легкое и самое мирское объяснение: дух земного мира не проник на Святую Гору, там чувствуешь от него себя свободным. И Афон еженочно молится об этом все дальше убегающим от Бога земном мире. О, какие это службы!

Люди возвращаются с Афона другими. Конечно, хорошо бы побольше книг об Афоне. Переиздать бы историю Святой Горы, переиздать бы замечательную книгу «Великая стража».

Впрочем, я считаю, что у нас сейчас есть много доступной литературы об Афоне. Главное, чтобы эта литература, фильмы, которые выходят об этой монашеской республике имели духовную цель, а не популяризаторскую.

— На заседании Палаты почитателей Патриаршей литературной премии Предстоятель гово-

рил о том, что преподавание русского языка и литературы в школе необходимо деполитизировать, вывести за рамки двухвекового идеологического разделения русской литературы и русского общества на противоборствующие лагеря. Как мы можем решить эту задачу? Какова при этом может быть роль писательских союзов?

— У нас нет никакого противоборства с теми, кто стоит на основах Православия. Школы у нас светские, и они хочешь — не хочешь живут по законам светского общества. Для того, чтобы осуществить то, к чему призывает Патриарх, нужно иметь учителей. А где их взять? Это долгий и трудный процесс. Трудный, потому что потребует в первую очередь государственной воли, которая должна заключаться в том, чтобы решить раз и навсегда, на каких основаниях строится наше государство. Пока о таких основах если и заявляется, то эти слова не подкрепляются конкретными действиями. Но это не значит, что мы должны ждать: не пускают Церковь в школы, ладно, будем создавать собственные школы, на православных началах. Сейчас, кстати, в Самарской и Сызранской епархии такие школы создаются, создаются и духовно-просветительские центры, огромное внимание им уделяет митрополит Сергей. И писательская организация тут принимает самое непосредственное участие. Мы проводим мероприятия в этих центрах, встречаемся с его воспитанниками. Сейчас при епархии начали издаваться журналы для молодежи «Древо» и для детей «Добрыня», в работе над которыми активное участие принимают наши писатели. Сейчас время не бороться за дело, а дело делать.

Беседовал Илья Агафонов

ПОДАРОК

РАССКАЗ

Днем перед Новым годом мама отвела Сашу к бабушке. Саше идти к бабушке не хотелось. Не потому, что он не любил бабушку, бабушку он даже очень любил, и сказки любил слушать, и разные истории, и нравилось как пахнет в бабушкиной комнате и кухне, всегда чем-то печеным и теплым, словно только что достали из духовки, — просто он знал, что мама с папой сегодня пойдут в гости, и знал даже к кому — к дяде Славе — и будут там веселиться, а его, чтобы не мешался, отводят к бабушке. А ведь он уже взрослый — пошел шестой год. Весь день Саша дулся на родителей и капризничал. Сейчас он нарочно мешкал идти, то загребал валенками снег, то ронял лопатку, и маме постоянно приходилось тащить его за руку. Наконец добрались до бабушки. Мама, сказав, что заберет Сашу послезавтра, ушла, а Саша, набычившись, забился в угол. Бабушка попыталась его развлечь, но он сделал вид, что играет в кубики, и бабушка села перед телевизором.

А как здорово было бы встретить Новый год вместе! Они, правда, вчера уже праздновали: ходили с папой и игрушками хороводом вокруг елки, и соревновались, кто быстрее съест с елки сладкую сосульку, а мама улыбалась, сидела напротив и вязала. Она часто вяжет. И все говорила, что елка вот-вот свалится. Но это все равно праздник не по-взаправдошному, хотя и было, конечно, весело. Саше нравилось, когда папа бывал такой, то есть когда он слегка выпьет, тогда папа

веселый и с ним можно играть в самые интересные игры, в индейцев, в рыбаков, в космонавтов. Когда папа трезв, он больше молчит, и, если во что-нибудь играет, то обязательно выигрывает. Хуже всего, конечно, когда папа из веселого превращался в сильно пьяного. Эту грань Саша улавливал сразу, даже мама еще была спокойна, а он уже точно знал, что скоро папа начнет буянить, ругаться, бить посуду. Этого Саша страшно боялся. Это был даже не страх перед папой — папы он не боялся, тот его никогда не трогал — он просто безотчетно и непонятно чего боялся. И Саша сразу старался спрятаться. Сначала он прятался в шкаф, но его там стали быстро находить. Потом он прятался в сундук, но и это место раскрыли, к тому же в сундуке было ужасно душно и пахло нафталином. Тогда он нашел хитрое место, где его пока еще никто не находил, и дважды удачно пережидал папино буйство. Он одевал на ноги высокие кирзовые сапоги, поверх кутался в висящий на вешалке старый демисезонный плащ и растворялся среди одежды. А когда папа успокаивался, он выбирался из своего укрытия. Правда, стоять по два часа без движения тоже было непросто. К тому же в это время ему очень было жаль маму, которая разрывалась между папой и поисками Саши. Мама была тихая и милая, и Саше всегда было очень ее жаль. Папу он тоже любил, он был большой, сильный и добрый. Только вот Саша никак не понимал, что портилось в папе, когда он выпивал.

...И вот его спихнули к бабушке. Ну и ладно. Он будет складывать кубики, а водиться ни с папой, ни с мамой, больше не будет.

Вечером, когда легли спать — бабушка на свою широкою скрипучую кровать, а Саша на два сдвинутых кресла — бабушка стала рассказывать истории про Деда Мороза.

— А правда, что Дед Мороз может исполнить любое желание?

— Ну, если ты маму с папой в этом году слушался, то исполнит.

— Я слушался, — подтвердил Саша.

— А о чем ты попросил Деда Мороза?

— Я попросил у него ружье.

— Это-то он может.

— А папа сказал, что мне пока настоящее нельзя.

— Нет, настоящее, конечно, нельзя.

— А почти как настоящее можно?

— Почти как настоящее, думаю, можно... Вот я тебе расскажу еще одну историю...

Странно, но мама Сашу в договоренный срок не забрала. Она пришла грустная, они с бабушкой закрылись на кухне, и долго о чем-то разговаривали. Саше даже показалось, что мама плачет. Он настроженно стал ждать, но мама появилась вовсе не заплаканная, а как всегда аккуратная и спокойная, только очень грустная.

Саша подбежал и обнял маму.

— Ничего, — мама нагнулась и поцеловала Сашу. — Мне нужно съездить к бабе Насте. Я скоро приеду, через три дня.

Саша знал: баба Настя — мамина мама и к ней нужно ехать на поезде целую ночь.

— Ты на поезде поедешь? — спросил Саша.

— Да.

— А папа где?

— Папа скоро придет, — сказала мама и отпустила Сашу.

Через день вдруг раздался звонок, резкий и длинный. И Саша сразу угадал, что это отец, и еще до того, как бабушка, торопясь, открыла дверь, до того, как услышал громкий и требовательный голос, он угадал, что отец находится как раз в том возбужденно-пьяном состоянии, которого Саша боялся и не выносил. Не отдавая себе отчет в том, что делает, он тихонько свесил ноги с кровати, соскользнул на пол и забился к самой стене.

— Сашка, ты где, паршивец ты этакий?!

Отец вошел в комнату. Саша видел его черные зимние ботинки, на которых еще был виден нараставший снежок, и низ коричневых брюк, обрызганных точечками неизвестно откуда взявшейся грязи.

— Опять прячешься? А-ну, вылазь! Глянь, что я тебе принес, а!

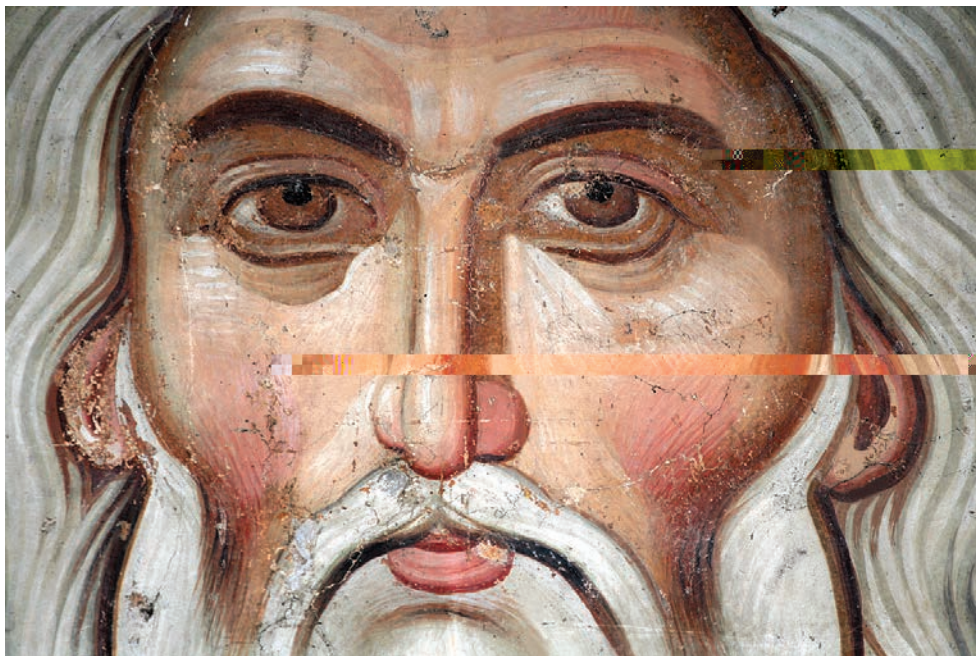
Саше очень хотелось увидеть, что принес отец, но он боялся. Кровать над ним шумно прогнулась — отец сел. Саша увидел бабушкины тапочки и большие набрякшие синие жилки на ногах.

— Что ты кричишь? Совсем мальчонку запугал!

— Где он? Ты, что ли, спрятала? С Танькой сговорились?

— Господь с тобой. Что мне с кем сговариваться? — и тихо позвала: — Саша, Саша...

— Сговорились, — прошипел отец, и Саша понял, что сейчас произойдет ужасное — то, чего он всегда боялся. И отец, вдруг вскочив, закричал: — Где он?! Отдайте пацана!

«ОН СТАЛ» смотреть на свод храма, где был нарисован похожий на Деда Мороза, только полетному одетый дедушка... Саша знал, что это Бог. Вид у Бога был суровый, и Саша поежился». Христос — Ветхий деньми. Сербия. Косово. Печская Патриархия. XIV в.

Саша увидел, как отшатнулись бабушкины ноги, и она что-то запрочитала.

— У-у, две шалавы, одна из ума выжила, другая шибко умная. Сашка, выходи, подлец! Где ты?!

И отец нагнулся.

Саша только увидел перед собой большое черное пятно и зажмурил глаза.

— А, вон ты где, шкет. Вылазь.

Отец разогнулся.

— Вылазь, кому говорю, а то хуже будет.

— Да что ж ты, ирод, на мальчонку набросился!

Оставь его в покое. Не видишь, боится он тебя.

— Меня? Боится?! Ха! Ты что ж, меня, своего отца, боишься? А ну, вылазь. Вылазь, я сказал!

Саша снова увидел в полоске света темное пятно и почувствовал, что к нему тянутся, желая схватить. Он вжался в стену. Рука шарила, но не дотягивалась.

— Гаденьш... — прошипело над самым ухом.

И рука, и пятно исчезли.

— Так значит?! Вот вам, — и Саша услышал хруст, потом еще хруст, и понял, что отец что-то

Саша полежал еще немного и вылез. Первое, что он увидел, были обломки ружья.

На следующий день они пошли с бабушкой в церковь. Он и раньше бывал с ней здесь, но обычно народу было немного, и он, пока бабушка ставила свечки, либо ходил с ней рядом, либо стоял в сторонке и смотрел по сторонам, а когда все крестились, тоже старательно крестился и он. На этот раз народу в храме было много, и бабушка оставила его ждать на лавочке, откуда Саше ничего не было видно за спинами людей, и он стал смотреть на свод храма, где был нарисован похожий на Деда Мороза, только по-летнему одетый дедушка и вокруг него летали голуби. Саша знал, что это Бог. Вид у Бога был суровый, и Саша поежился.

Когда они вышли из церкви, Саша спросил:

— Баб, а кто главнее — Бог или Дед Мороз?

— Ах, ты! — немного испуганно охнула бабушка. — Какие вопросы спрашиваешь!

— Ну, баб, кто?

— Господь Бог, конечно. Он все создал.

— Все, все?

— Конечно.

— И Деда Мороза тоже?

— И Деда Мороза.

— Тогда он взаправду главнее, — решил Саша.

«А ПОЧЕМУ он тут маленький, а в церкви уже старый? — То Его Отец, а это — Сын.

Но Они — все Одно. Вот завтра и праздник у Него — Рождество Христово»

ломает, и с еще большим страхом понял, что он ломает то, что принес ему.

На пол упали обломки, потом — шаги в коридор и грохот двери, так, что зазвенела посуда в серванте.

Саша не шевелился.

— Вылазь, что ль, — позвала бабушка. — Ушел он.

Дома Саша снова спросил:

— А если у Бога что-нибудь попросить, то Он может исполнить?

— Может, конечно.

— А как у него просить?

— Надо вот перед иконкой встать на колени, перекреститься, поклониться и попросить: «Господи Иисусе Христе, помоги мне...»

Саша с сомнением посмотрел на висевшую в бабушкином уголке иконку, где на руках у женщины сидел мальчик.

— А где же здесь Бог-то?

— Да как же, вот на руках у Богородицы.

— А почему он тут маленький, а в церкви уже старый?

— То Его Отец, а это — Сын. Но Они — все Одно. Вот завтра и праздник у Него — Рождество Христово.

Когда легли спать, и бабушка, пошептав перед иконой, кряхтя и вздыхая, опустилась на свою кровать, Саша затих. Он лежал не шевелясь, и прислушивался к бабушкиному дыханию. Вот прекратились вздохи, и скоро Саша услышал легкий свист, какой бывает, если тихонечко дуть в пустой колпачок от авторучки.

Тогда он осторожно, скрипнув лишь раз да и то не креслом, а предательской половицей, спустился со своей постели и подошел к иконе. Из окна пробивался лунный свет и, западая за штору, ровно освещал угол, где находилась икона. Он смотрел на нее, и ему казалось, что на него смотрит такой же мальчишка, как и он, но Который может все. А иметь такого товарища, разве это не мечта? Только вот как бы заручиться Его товариществом, как бы подружиться с Ним...

Скрипнула бабушкина кровать, Саша вздрогнул и замер, прислушиваясь, но бабушка только перевернулась и продолжала посвистывать в свой колпачок.

Надо торопиться, решил Саша.

— Господи Иисусе Христе, помоги мне... — сказал он фразу, которую запомнил, и остановился, не зная, что говорить дальше. Он снова задумался, и снова его привел в чувство скрип ба-

бушкиной кровати.

— Господи, я просил у Деда Мороза ружье, но оно мне больше не нужно. Ты — главный, Ты скажи Деду щомнилался, ~~Д~~ ХКБХф у Деда М~~Ж~~ЯВею

И тут все увидели, как лицо мальчика сжалось, наморщилось, он вскрикнул, бросил ружье и убежал в комнату. Он упал лицом в составленные на кровати подушки, сбил их и плакал, плакал, как только плачут жестоко обманутые дети.

Вдруг он почувствовал на своей голове широкую ладонь отца. Она прикасалась осторожно, даже боязливо, и рядом был голос, тихий и растерянный:

— Ну что ты, что ты... Перестань... Я очень виноват... Очень...

Саша оторвался от подушек и уткнулся, все еще плача, в колени отца.

— Я не хочу ружья! Не хочу! Не хочу!

Отец сел и, приподняв сына, старался заглянуть в его лицо.

— Чего же ты хочешь? Ты скажи, скажи только...

— Ничего не хочу, ничего! — у мальчика начался новый приступ истерики. — Я не об этом Его просил! Не об этом!

— Кого ты просил?

— Его! Его! Его!

— Милый мой, — отец прижал сына и стал легонько раскачивать, поглаживая по спине, — если ты просил, значит, так и будет. Все теперь будет, как ты хочешь...

— Правда? — спросил мальчик, и, оторвав красное лицо от мокрой рубашки отца, посмотрел на него.

— Конечно, правда.

Мальчик, еще всхлипывая, снова прижался к отцу, и они так и сидели: Саша держался руками за рукав отца, а отец его покачивал и осторожно гладил по спине.

Зашла мама.

— Улеглась буря? Пойдемте за стол. Иди-ка,

Сашок, посмотри какой я рождественский торт испекла.

И Саша, услышав спокойный и веселый голос матери, успокоился и снова вернулось утреннее чувство, что все хорошо. Он вскочил и бросился на кухню, и на столе действительно стоял чудоторт, какие умела делать только мама, и большой-большой.

— А ну, руки мыть, — сказала бабушка.

Саша вышел из ванной и услышал, как отец говорит «не знаю», но про что он говорил, Саша не разобрал. Он подскочил к столу и забрался на свое место — высокий табурет-креслице, которое смастерил отец, и — замер: на столе рядом с тортом стояли три полные рюмки. Саша не отрываясь смотрел на них, и когда включился, урча, холодильник, увидел как жидкость дрогнула колечками.

Зашли родители, сели.

— С праздником, — сказала, присаживаясь, бабушка, и взяла одну из рюмок. — Сегодня в честь праздничка-то можно.

Подняла рюмку мама.

— Не мешало бы, — произнес отец и, потеряв одна о другую руки, поятнулся к своей.

— Саша! — вдруг побледнев, вскрикнула мама. Рука ее дрогнула, пролив рюмку, и так и застыла в воздухе.

Отец удивленно посмотрел на жену, затем перевел взгляд на сына. Рука его тоже застыла в воздухе. Потом большая теплая ладонь легла на голову мальчика.

— Перестань, — ровным голосом сказал отец и после паузы тихо добавил: — Все будет, как ты хочешь.

Мальчик посмотрел на отца и улыбнулся.

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ПРАВОСЛАВНОЕ КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

**ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ
НА ЖУРНАЛ СВЯЖИТЕСЬ С НАМИ:**

По электронному адресу: **exp@pcroc.ru**
По телефону: **8 495 789-90-45** (добавочный **22-33**)

Минимальный срок подписки на журнал —
6 месяцев.

Стоимость подписки на один месяц —
100 рублей.

МОНАХИНЯ ЕВФИМИЯ (ПАЩЕНКО)

БИОГРАФИЯ

Монахиня Евфимия (Елена Владимировна Пащенко) родилась 23 апреля 1964 года в Архангельске в семье врачей. Окончила Архангельский медицинский институт по специальности «лечебное дело». После интернатуры работала терапевтом в Ширшинском доме ветеранов, затем окончила клиническую ординатуру. В настоящее время работает врачом-неврологом в поликлинике № 214 г. Москвы, а также трудится во благо Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского редактором и составителем православных календарей. Крестилась в октябре 1985 года. В ноябре 1993 года в Свято-Троицком Антониево-Сийском монастыре пострижена в рясофор с именем Елены, в ноябре 1996 года там же — в мантию с именем Евфимии.

С 1990 по 2012 годы несла послушание чтеца-певчей в храме святителя Мартина Исповедника (г. Архангельск), в течение шести лет вела там воскресную школу. В 2000 году закончила Православный Свято-Тихоновский богословский институт (ныне Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет) со степенью «бакалавр религиоведения».

В 1998 году состоялась первая публикация книги монахини Евфимии, с этого момента началась ее профессиональная писательская деятельность. В настоящее время произведения мона-

хини Евфимии активно публикуют ведущие церковные и светские издательства России. В 2004 году получила от ПСТГУ квалификацию «религиовед» по специальности «религиоведение».

В течение пятнадцати лет преподавала на епархиальных православных богословских курсах историю Церкви, патрологию, сектоведение. Активно занимается миссионерской и научной деятельностью, является автором ряда работ по истории епархии. Неоднократно выступала на радио «Радонеж» и в лекториях книжных выставок как писатель.

Монахиня Евфимия (Пащенко) — автор многих книг, статей и рассказов, публиковавшихся в том числе в православной периодике: газетах «Воскресная школа», «Православная Москва», Архангельский Епархиальный Вестник, «Вера» (Эском); журналах «Православная беседа», «Славянка» и других.

Книги монахини Евфимии востребованы как у православных читателей, так и ценителей русской словесности, ищущих веру. Среди ее текстов и жития святых, и научные труды, и детская литература, и многие художественные произведения (повести и рассказы).

Монахиня Евфимия является одним из немногих православных писателей, активно сотрудничающих как с церковными издательствами (Из-

дательство Сретенского монастыря, «Смирение», Издательство Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского), так и со светскими издательствами («Олма Медиа Групп», «Эксмо», «АСГ»), в связи с чем ее можно охарактеризовать как одного из выдающихся писателей-миссионеров нашего времени.

За свои труды на благо Русской Православной Церкви монахиня Евфимия награждалась архиепископской и Патриаршей грамотами.

На соискание Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия 2016 года выдвинута Международным клубом православных литераторов «Омилия».

• БИБЛИОГРАФИЯ

Книги повестей и рассказов:

- Пепел и Крест (Архангельск, 2008).
- До Последнего Суда (Архангельск, 2010).
- Храм неразрушимый (М., 2010).
- Тайна Владыки Петра (М., 2011).
- Христианами не рождаются (М., 2013).
- Возвращение чудотворной (М., 2013).
- Яблони старца Амвросия и другие непридуманные истории (М., 2014).
- Приключения врача (М., 2014).
- История одной монахини (М., 2014).
- Отвергнутое счастье (М., 2014).
- Драма из приходской жизни (М., 2015).
- Испытание чудом (М., 2015).

Научно-популярные работы по истории Церкви:

- Очерки о храмах и монастырях г. Архангельска (Архангельск, 1998).
- Женские монастыри Архангельской губернии 17-19 вв. (Архангельск, 1999).
- Архангельский Патерик (Архангельск, 2000).
- Новый Архангельский Патерик (Архангельск, 2001).

- Сказания о святых подвижниках Архангельской земли (Издательство Архангельской епархии, 2002; переиздание — 2009 г.).
- Особенности социальной структуры и социальной деятельности Сурского женского монастыря в Пинежском крае (Архангельск, 2003).
- Под покровом Святителя Николая (Архангельск, 2005).
- Под покровом Святителя Николая. О Святителе Николае и его почитании на Архангельской земле. (Архангельск, 2006).
- Очерки из жизни северных женских монастырей (Архангельск, 2007).
- Обитель на Белом море (Архангельск, 2008).
- Тайны монастырей. Жизнь в древних женских обителях (М., 2015).

Книги для детей (издательство Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского):

- «Память его да будет незабвенна...». Повесть о священномученике Иларионе (Троицком) (М., 2011).
- Оптинские яблони. Повесть о преподобном Амвросии Оптинском (М., 2011; переиздание — М., 2012).

- Тайна соловецкого послушника. Повесть о преподобном Зосиме Соловецком (М., 2011; переиздание — М., 2014).
- Мальчик с бабушкиной иконы. Повесть о праведном Артемии Веркольском (М., 2011, переиздание — М., 2014).
- Как бычок и ослик встретили Рождество Христово. Сказка (М., 2013; переиздание — М., 2015).
- «Не в силе Бог, а в правде». Повесть о святом благоверном князе Александре Невском (М., 2012).
- «Патриарх христиан умрет мучеником...» Повесть о Священномученике Григории, Патриархе Константинопольском (М., 2013).
- Служитель тайны Рождества Христова. Повесть о святом праведном Иосифе Обручнике (М., 2013).
- Рождественская святая. Повесть о святой мученице Евгении (М., 2013).
- Сибирский праведник. Повесть о святом праведном Феодоре Томском (М., 2014).
- Жизнь в дар Младенцу Христу. Повесть о Священномученике Никодиме Белгородском (М., 2014).
- Великий креститель Руси. Повесть о святом равноапостольном князе Владимире (М., 2014).

ВЕРА — УДЕЛ МУЖЕСТВЕННЫХ ЛЮДЕЙ

ИНТЕРВЬЮ

— ?
 ?
 ?

— В основе сюжета почти каждого моего произведения — история человека, совершающего духовный и нравственный выбор. Чаще всего герой — верующий. Впрочем, он может быть и неверующим, но проблема выбора между узким и пространным путем (см. Мф. 7:13) присутствует всегда. Так же, как и в жизни каждого из нас.

Один человек (не писатель, а редактор) упрекал меня, что я не пишу «зарисовок из жизни». И переменяю реальность вымыслом.

— Вы — как тот рыбак, который хвалится, что-де поймал вот такую-ую рыбу! — сказал он.

Я ответила:

— Понимаете, мне не важно, какую рыбу на самом деле поймал рыбак. И даже — поймал ли он ее. Важнее другое: что произошло с самим рыбаком.

Тогда я не думала, что ненароком сформулировала свое творческое кредо.

В моих текстах сполна присутствует пресловутый «литературный вымысел». И потому город Михайловск из моих рассказов — не реальный Архангельск. Мои герои имеют реальных прототипов, но не тождественны им. А вот проблемы, прежде всего, духовного плана, с которыми они

сталкиваются — это реальные проблемы. Наши с вами.

Мало того: нет проблемы, нет идеи — нет и текста.

Кому адресованы мои тексты? Тем, кому не безразличны так называемые вечные темы: кто мы, откуда, куда идем? Правда, я никогда не обещаю читателю легкое и развлекательное чтение. Чаемого большинством читателей «хэппи энда» может не быть, герой может оказаться скорее отрицательным, чем положительным... Но через все мои тексты красной нитью проходит тема Промысла Божия. Зло нагло, но не всесильно. Говорили и говорят, будто вера учит человеку покорности. Это неправда. Вера — удел прежде всего мужественных людей. Пример тому — недавнее прошлое нашей страны, времена гонений на веру. Бесчисленные примеры отступничества, ярчайшие примеры мученичества и исповеднического подвига.

—

?

?

?

— Думаю, состояние современной литературы такое же, как и всегда. Много поделок-однодневок, так называемого чтива, мало книг серьезных, способных подвигнуть на раздумья, повлиять на жизненный выбор. Но так было и прежде. Ошибочно думать, что-де раньше было лучше. О существовании многих рыцарских романов мы знаем лишь потому, что они упомянуты в романе Сервантеса о Дон Кихоте. То же касается и готических «ужастиков», которые читала героиня романа Джейн Остин «Нортенгерское аббатство».

Почему так происходит? Вероятно, от того, что в людскую жизнь давно уже вошел тлетворный дух коммерции. Издается то, что можно продать. Продать можно то, что по вкусу так называемому массовому читателю. Читателю этому нужны увлекательный сюжет, приключения, кровь, любовь. Оттого так популярны сейчас женский любовный роман, боевик и фэнтези.

Разумеется, на самом деле проблема глубже. Пресловутые массы, толпы, управляемы. И являются благоприятной почвой для культивирования греховных страстей. Об этом в свое время писал Клайв Льюис в рассказе «Баламут предлагает тост». Подмена единодушия и единомыслия, порожденных любовью во Христе, однообразием, основанном на страхе — белую ворону стая заклюет насмерть.

И главное — дух безверия, который, к сожалению, царит в обществе. Власть, деньги, наслаждения — вот те идолы, которым поклоняется большинство современных людей. Об этом недавно сказал в своем интервью «Российской газете» Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «там, где нет Бога, с творчеством плохо. Глубокая вера — та сила, которая делает человеческий талант особенно мощным».

К счастью, издается и переиздается классика. Причем не только те произведения, которые входят в школьный курс литературы. К счастью, существуют букинистические магазины, где можно найти или заново открыть «хорошо забытое старое».

Что до надежд... Я верю, что Господь посылает каждому из нас встречу с теми книгами, которые нам нужны, которые направят нашу жизнь туда, куда Ему угодно. Примером такой встречи является эпизод, описанный Клайвом Льюисом в

его автобиографической книге «Настигнут радостью». Человек, чтобы скоротать вечер на вокзале, в ожидании поезда, купил у лоточника книжку в бумажной обложке. Книжка называлась «Фантастес» и повествовала о путешествии некоего юноши по имени Анодос в страну фей. «В ту ночь христианским стало мое воображение, на мою душу, разумеется, ушло гораздо больше времени», — признавалась впоследствии в своей автобиографии создатель «Хроник Нарнии». До сих пор не утихли споры о том, христианским или антихристианским произведением является роман «Мастер и Маргарита». Однако были, есть и будут люди, которые пришли к вере, прочитав эту книгу. А для кого-то такими книгами-миссионерами стали «Мои посмертные приключения» Юлии Вознесенской, «Хроники Нарнии» Клайва Льюиса, «Отец Арсений», «Флавиан» протоиерея Александра Торика. Бог посылает нам те книги, которые нужны нам именно сейчас для того, чтобы обрести веру. Или укрепиться в ней.

— ? ? — ?

— Мне, монахине, не имевшей собственных детей, сложно ответить на этот вопрос. Может ли школьный учитель литературы приохотить учеников к книгам? Думаю, что да. Как может и научить думать над ними. Но скольких он научит? Здесь уместно вспомнить слова преподобного Серафима Саровского, обращенные к будущему игумену, отцу Тимону: сей и на благой земле, и на песке, и на камне, сей и в тернии... где-нибудь да прозябнет, и возрастет, и плод принесет, хотя

и не скоро. Научить любить книгу и размышлять над ней — труд неблагодарный, но не бесполезный.

Другое дело, что осмысление многих книг приходит после того, как книга прочитана. Помню, как в школе мы проходили роман «Овод». Ох, и трудно же тогда далась мне эта книжка! И герой-революционер не понравился. Что ж, прошли — забыли... Много позже, взрослым человеком, я перечитала эту книгу. И она открылась мне по-новому. Не как роман о герое, а как история о нераскаянном грехе. Сейчас для меня главный герой «Овода» не истеричный Артур, а его отец кардинал Монтанелли, нарушивший обет, данный Богу, и отказавшийся понести все последствия своего греха, исповедать его перед миром. Монтанелли служит Богу, затаив в душе ложь. Эта ложь приводит его к сыноубийству, безумию и смерти без покаяния. Нельзя служить Богу, думая прежде всего о себе, с нечистой совестью — вот чему роман «Овод» может научить православного человека.

Полагаю, на том же, что и раньше — на классике. Прежде всего — русской, насквозь пронизанной идеалами Православия. Бог дал нам великую и святую Православную веру, великую историю, великую литературу, великий язык, пронизанные светом этой веры. Нужно стать достойными этих даров.

ТАРАКАН-ПОДВИЖНИК

СКАЗКА

(северная песенка «Небылица в лицах»)

В некотором царстве, в некотором государстве, в некоей святой обители, коей мы в глаза не видели (а токмо о ней от людей слышали), жил был мних, имел много книг, только не читал он их, и не знал, что в них, а ел на них да спал на них. И была у того мниха Книга, и держал он ее, как благочестивому иноку устав велит, в святом углу, рядом с иконами. Вот только редко он сию Книгу в руки брал, даже не то, чтобы ее почитать, а просто чтобы пыль с нее стереть. Лежала себе Книга в святом углу, лежала-пылилась... однако не зря говорится: свято место не бывает пусто... вот и поселился под корешком Книги рыжий и усатый таракан, из тех, которых у нас прусаками называют, в Пруссии же, как говорят, величают русскими тараканами. А так ли это на самом деле — не знаю, народ так бает. Побываете в тех краях — потом расскажете, вправду ли в Пруссии наши тараканы-прусаки русаками зовутся, али не стоит мне впредь людям на слово верить.

Вот жил себе таракан под корешком Книги, жил-поживал, вкушал переплетный клей да на досуге предавался раздумьям:

— Отчего бы это мне, таракану, такая судьба выпала? Собратья мои жирны и усаты, а прозябают на грязной кухне или в запечье. Зато я живу в иноческой келье... да что там... в самой Книге. С чего бы мне сия честь?

Призадумался таракан, пошевелил... если не мозгами, так усами. И кажется, начал догадываться:

— Видно, потому мне сия честь, что не таков я, как все прочие тараканы... и даже эти двуногие, которые здесь живут и именуют себя иноками и Божиими служителями. Куда им до меня! Они заботятся и молят о многом, я же обитаю в безмолвии и уединении за корешком Книги, яко истинный затворник. И ежедневно вкушаю от ее страниц... можно сказать, живу ею и питаюсь. Кто из подвижников подобен мне? И потому должен я явить себя миру — да узрят вси живое воплощение истинного благочестия, и да поклонятся мне!

Тут и выполз таракан из-под книжного корешка на белый свет, и давай усами шевелить: мол, приидите, народы, узрите мене... И первым

узрел его мних, тот, что имел много книг, только не читал их. Возможно, оттого-то и принял он великого подвижника за обыкновенного таракана, и возопив: «ах ты, супостат окаянный», прихлопнул его ладонью. Тут, как говорится, тара-

кану и славу поют... «и усов от него не осталось».

А мних, который имел много книг, да не знал, что в них, снял Книгу с полки, стер с нее пыль, перелистал... да и положил ее обратно. Когда ж он ее читать возьмется — сказка новая начнется.

КАК НАУЧИТЬСЯ УЛЫБАТЬСЯ

ПРИТЧА

Когда-то был на свете город, где люди не умели улыбаться. То ли они такими рождались, то ли разучились улыбаться из-за каких-то бед и напастей — сейчас это уже не объяснит никто. Но, как бы то ни было, существовал где-то город, жители которого не умели улыбаться. Если не наяву существовал, так в сказке.

Однажды откуда-то пришел в этот город добрый чужак. Пришел и стал учить людей улыбаться. Вот что он им говорил:

— Научиться улыбаться непросто. Ведь настоящая улыбка не может быть злой, коварной, лицемерной. Настоящая улыбка — только улыбка добрая. А для того, чтобы она стала доброй, надо, чтобы в душе не таилось зло. Надо ни на кого не держать обиды, и искренне прощать тех, кто сделал тебе плохо. Надо в каждом человеке видеть брата во Христе. А это невозможно без веры в Бога, без надежды на Его милосердие и помощь, без любви к Нему и Его созданиям — людям. Ведь каждый человек, даже самый плохой, сотворен по образу Божию. Без веры в добро и его Подателя — Бога, без любви к Нему и к людям невозможно научиться улыбаться по-настоящему. Невозможно быть и оставаться человеком.

Люди моча слушали его. Качали головами. И почти все, не дослушав, уходили. Ведь далеко не каждый готов работать над собой, изгонять из сердца страсти, которые свили там гнездо. Не каждый готов научиться непростому искусству улыбаться по-настоящему.

А вскоре пришел в тот город через западные ворота другой гость. Он оклеил город яркими афишами, где крупными буквами было написано, что он — самый настоящий из настоящих волшебников. И что он — единственный, кто посвятит людей в тайну, как жить без проблем. Он тоже учил улыбаться. Только совсем иначе, нежели его предшественник. Вот что он говорил жадно слушавшим его людям:

— Никакой науки, как улыбаться правильно, не существует. Чтобы изобразить улыбку, надо просто как можно шире оскалить все 32 зуба сразу. Чтобы все вокруг поняли, что вы непобедимы, злы и беспощадны. И что вам наплевать на всех, кроме себя. И знаком вашей силы и вашего презрения ко всему на свете должна стать ваша сокрушительная улыбка!

Как ни печально, но у него нашлось множество последователей. Нехитрая и такая легкая наука

ВЕЧЕР на улице Карла Юхана. Художник Э. Мунк. 1892 г.

ненависти пришлось по вкусу очень многим. И разве думалось им при этом, что их улыбка слишком напоминает звериный оскал?

Наверное, вы думаете, что Бог покарал жителей города за их злобу? Но нет. Говорят, этот город существует и поныне. Ведь Господь не хочет смерти грешника, но чтобы тот обратился и был жив. И Бог ждет — может быть, жители этого города еще покаются? Может быть, они еще захотят научиться улыбаться по-настояще-

му? Может быть, они еще успеют стать людьми не только по имени, но и по делам?

Вы спрашиваете — где же находится этот город? Зачастую я и сама не понимаю — где. Не наяву, так в сказке. Может быть, об этом лучше знает зеркало, в которое каждый из нас иногда почему-то боится взглянуть на собственное отражение?..

ДЛЯ КОГО ПОЕТ ПТИЦА

ИЗ ЭССЕ «ДЛЯ КОГО ПИШЕТ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ»

Солнечным летним утром в тихом тенистом парке, разбитом у самой реки, пела птица. Какая — не знаю. Ее невозможно было разглядеть в густой листве деревьев. Как невозможно было и не прислушаться к ее пению — настолько звонко и самозабвенно оно звучало.

— Надо же, как старается! — подумал один из людей, оказавшихся в ту пору в парке. — Сама солнышку и теплу радуется. И нас порадовать хочет...

— Дивна дела Твоя, Боже, — сказал про себя другой человек, сидевший на скамье под деревом и смотревший на реку. — «Всякое дыхание и вся тварь Тя славит, Господи...». Даже малая птишка, и та поет Тебе хвалу... Увы, мы, люди, делаем это куда реже...

А случайный прохожий, шедший в это время по парку, про себя подумал:

— Ишь, как расчирикалась! Какой-нибудь паршивый воробей, а туда же... лезет в соловьи!

И прошел мимо.

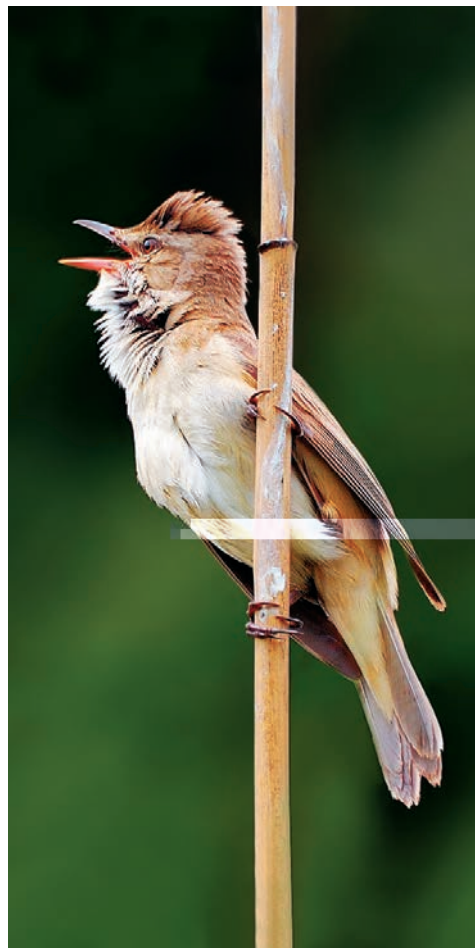
Каждый из них по-своему ответил на вопрос: для чего (или для кого) пела птица? Но кто из них был прав? Попробуйте решить сами.

А как бы ответила я? Наверное, так:

— Не знаю. Бог весть.

* * *

А для кого пишет писатель? Причем — православный. Для себя? Для Бога? Для людей? Пожалуй, на него ответить не легче, чем на вопрос: для кого поет птица?

БОРИС ЕКИМОВ

БИОГРАФИЯ

Борис Петрович Екимов, русский писатель и публицист, родился 19 ноября 1938 года в Красноярском крае в семье служащих. Сменил немало профессий, среди которых токарь, слесарь, наладчик и учитель по трудовому обучению в одной из сельских школ. Также он был строителем в Казахстане и в Тюменской области.

Первые произведения Бориса Екимова появились в 1965 году. Через год его уже приняли в Союз писателей России. В 1979 году он закончил Высшие литературные курсы.

В течение своей писательской деятельности автор создал более 200 произведений. Печатался в самых популярных литературных изданиях, таких, как «Наш современник», «Знамя», «Россия». Произведения писателя переведены на многие иностранные языки. Повесть «Пастушья звезда» включена в Библиотеку Президента, которая содержит выдающиеся произведения российских авторов.

Лауреат премий Александра Солженицына, Ивана Бунина, Государственной премии России и многих других.

Наиболее значимые рассказы писателя: «Фетисыч», «Мальчик на велосипеде», «Говори, мама, говори...», «Пастушья звезда», «Пресвятая Дева Богородица», «За теплым хлебом», «Возвращение». Его перу принадлежит повесть «Короткое время бородатых».

С 1985 по 1991 годы был членом правлений Союза писателей РСФСР. В 1994 году стал членом Союза писателей России. Являлся членом редколлегии многих российских журналов. В 2012 году вошел в число номинантов Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Выдвинут на соискание Патриаршей литературной премии 2016 года редакцией журнала «Фома».

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Борис Екимов является автором более 30 сборников прозы. В том числе:

- Девушка в красном пальто (М., 1976).
- Последняя хата (М., 1980).
- Елка для матери (М., 1984).
- Холюшино подворье (М., 1984).
- За теплым хлебом (М., 1986).
- Пиночет (М., 2005).
- Не надо плакать (М., 2008).
- Возвращение (М., 2015).
- Осень в Задонье (М., 2016).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НЕЗАМЕТНА, КАК ВОЗДУХ

ИНТЕРВЬЮ

— *Кто Ваш читатель? О чем и как Вы считаете должным говорить с ним? О чем Ваши книги?*

— Знаю, что у меня остались читатели старшего поколения, из времени, когда мои рассказы и повести печатались большими тиражами, до десяти миллионов. Нынешнее время — неласковое. Тиражи книг — малые. К тому же, они, в основном, остаются в Москве. Спасибо хорошим учителям и библиотекарям, которые стараются приохотить молодых читателей к достойному чтению, в том числе и к моим рассказам. Спасибо интернету, потому что учителя и школьники ищут и находят там мои произведения. В библиотеках моих книг все меньше: старые ветшают, а новые не на что купить.

С читателями я пытаюсь говорить о самом главном: о жизни на земле. Так уж, слава Богу, повелось, что русская литература — это размышление о днях и судьбах людей, страны, мира. Литературе дано главное — жизнь человеческая. Короткая — в птичий посвист, но в ней можно уместить бесконечное: счастливые дни, минуты, мгновения, мир земной во всей его полноте.

Русская литература во все времена несла на своих плечах не только груз своего основного назначения — сохранения языка, но брала на себя и многое другое. В первую очередь, честное историческое повествование. Особенно в те годы,

когда историческая наука врала или молчала.

Еще одним немалым служением русской художественной литературы было воспитание человека, если угодно, учительство. Ненавязчивое внушение простых, но великих истин, правил людского бытия: честность, трудолюбие, доброта, совестливость — как прочной основы жизни. Это особенно важно было в те времена, когда христианская вера почти на век была растоптана государственной властью. Нынче на нашей земле возрождаются храмы. Но Бог не в бревнах, а в ребрах. В душе человеческой мораль христианская создается много труднее и медленней.

Смею надеяться, что я тоже имею прикосновение к этим задачам великой русской литературы.

— *В чем состоят главные беды сегодняшней русской литературы, и на что есть надежда?*

— Главные беды — в попытках (ныне довольно успешных) принизить роль и значение русской литературы, книги, писателя в жизни страны. Инструменты для таких дел: лом и кувалда, то есть экономическое удушение добросовестных издательств, книжных магазинов, литератора, как профессии. Взамен, вместо хлеба насущного, духовного — пирожное с марихуаной.

Надежда — на здравый смысл, на историческую память русского народа. Художественная

чета. Про это слышали. И Ольга сдалась.

Два вечера копали картошку. Соломы Алексей привез, пилил дрова — чтобы уж ехать со спокойной душой.

К Ольге со всего хутора сбегались бабы. Охали да ахали, судили-рядили, наперебой заказывали то да это: и детское, и женское, и всякое, с чем бедовали. Ольга лишь успевала записывать. У ребят тетрадку взяла и записывала в ней, чтобы хоть с деньгами потом рассчитаться, не перезабить, кто что давал.

Лишь мать Алексея, Мартиновна, жила как обычно. С утра и до ночи, в меру сил, копошилась по хозяйству. Вечером сидела за двором, на скамеечке. Рано уходила в свою боковуху, готовилась ко сну и засыпала.

А на нее, на нее была вся надежда. Ольга так и говорила:

— Мама, надежда на тебя.

И то было правдой: дочка в школьный интернет увеется, поминай ее, а с ребят какой спрос.

— Поезжайте с Богом, — говорила Мартиновна.

Она была не очень стара, шесть лет лишь пенсию получала. Но годы годам рознь. Пятерых детей подняла. Всю жизнь в колхозной работе.

Вдовый плат на голове, суровые морщины, померкший свет в глазах — отжила свое.

— Твои-то едут? — спрашивали ее.

— Едут... — отвечала Мартиновна. — Такая жизнь настала. Это мы прожили век за куриный пек... — И замолкала.

Собрались. Поехали. В последний вечер, укладываясь, Ольга, спохватившись, спросила Мартиновну:

— Мама, а тебе что привезть? Може, платок?

— У меня этих платков... — усмехнулась Мар-

тиновна. — С каждых похорон. До смерти.

На похоронах теперь платки раздавали старым женщинам, пошла такая мода.

— Ну, ладно, там поглядим, — махнула рукой невестка.

Мартиновна задумалась на минуту, тихо сказала:

— На ноги б чего... Вот ныне бы, к осени.

Невестка уже не слушала ее. Услышал сын, пообещал:

— Поглядим, мама.

Мартиновна вздохнула. Ноги у нее болели и просили доброй обуви: не вечных резиновых калош да сапог, а чего-то другого, поприветнее. Она в последние дни все думала об этом, да боялась просить. Какую-то такую обувь ей хотелось, чтоб и теплая, и ловкая, и приглядная на вид.

Смешно сказать, но последние ночи снились ей трофейные ботики, что подарили отец и мать, выдавая замуж. Давно то было, и ботики в голод поменяли на картошку. Но помнилось: желтой кожи, с крючками и шнурочками, такие ловкие на ноге. Надевала их считанные разы, берегла. Потом уплыли ботики в чужие руки. Теперь вот какую ночь снились. Снились, и во сне ноги меньше ломило.

У Алексея с Ольгой все складывалось хорошо. Благополучно долетели. Зря лишь пугались: самолет, самолет. А самолет — он удобней еще: раз два — и на месте. И ничего страшного.

Группа попалась хорошая: свои люди, колхозники, лишь из других районов. Долетели, разместились в гостинице, кормежка — все как положено. И конечно, экскурсии. С утра до ночи. И по магазинам — пожалуйста. Магазины и в Вильнюсе, и в Риге — не нашим чета. Бабы просто ша-

лели. А мужики — больше по пиву. Пива в Прибалтике хоть залейся.

И дни полетели невидя, один за другим. Пожили в Вильнюсе, потом в Риге, приехали в Таллин. Здесь Ольга день-другой побегала и устала. Деньги кончились, и, по правде говоря, уже набрались всего: два чемодана и коробок ворох. Еще неизвестно, как уезжать с таким багажом. В самолет не примут.

Оставалось чуть-чуть до отъезда. И уже начали думать о доме, о детях, о домашних делах. Вот тут Алексей о материнской просьбе и вспомнил.

— Мать же просила на ноги чего-нибудь. Осеннее. Надо взять.

— На станцию с торгами поеду, — пообещала Ольга. — Калоши куплю.

— Калоши... — обиделся за мать Алексей. — Себе так набрала, — показал он на чемоданы. — А матери калоши.

— Ей сколь лет? — спросила Ольга. — Может, ей туфли на высоком?

— Ну, не на высоком... а все же можно подобрать чего-нибудь получше калош. Как-никак...

— Вот иди и покупай, — махнула рукой Ольга. — А у меня ноженьки гудут. Бери вон кошелек и иди.

— И пойду, — сказал Алексей. — Куплю. Еще получше тебя выберу.

Время было не позднее, магазины открыты. Зашел Алексей в один да другой. Ходил возле полок, приглядывался, но ничего не мог выбрать. Хотелось, чтобы и для ноги были хороши, и все же мать не молоденькая. Чтоб и помягче, и потеплее — к осени. И попримягднее. Вспомнил он мать, раздумался. Как она жила... Ведь кроме чириков да сапог резиновых сроду нешивала

РИГА. Фотография 1980-х гг.

ничего. Захотелось ее порадовать. Чтоб надела — и люди завидовали. Пойдет, положим в магазин, за хлебом, сразу углядят. Охи да ахи. «Сын привез», — скажет мать. Алексей даже засмеялся, представив это.

В одном из магазинов он решил с продавщицей посоветоваться. Обычно он продавщиц побаивался, а тут решился.

— Мне бы чего для матери, — попросил он. — Для осени обувку.

— Калоши вон в том отделе.

— Я же не калоши спрашиваю, — обиделся Алексей. — Что вы все с этими калошами? Сами небось... — покосился он на ноги продавщицы.

Продавщица усмехнулась, оглядела Алексея с головы до ног, в глазах ее вспыхнул злой огонек.

— Вам для осени обувь? — пропела она ласково. — Приличную, да?

— Конечно.

Продавщица нагнулась, пошарила под прилавком и выставила желтой кожи ботиночки, игрушка — не обувь. Аккуратные кнопочки сбоку, мех внутри, а кожа так выделана была, так мягка... Не обувка — сладкий сон.

— Вот это да... — проговорил Алексей. — А почему?

Этого вопроса продавщица ждала. Она же Алексея насквозь видела: по его одежке, по лицу. Она его поняла сразу и теперь выговорила внятно:

— Шестьдесят рублей.

Алексей охнул. Глаза его округлились, открылся рот. Он вроде к ценам привык, к сумасшедшим. Сапоги дочери да Ольге покупали. Но то сапоги, до колен. А здесь кожи-то кот наплакал.

— Ничего себе, — проговорил Алексей.

— Я же вам сразу сказала: калоши в другом отделе, — процедила продавщица с такой откровенной ухмылкой, что захотелось взять этот ботинок да...

Алексея жаром осыпало с ног до головы. Он вытаскивал кошелек и Бога молил: лишь бы хватило, лишь бы хватило... Руки тряслись, пересохло во рту. Продавщица глядела в упор.

«Сорок пять, сорок шесть... Трояк и рубли... Не хватит, — пронеслось в голове, и тут же вспомнил: загорелся, от жены утаенное. Вытянул и вздохнул: — Слава Богу!»

Он расплатился, не глядя обувку забрал и лишь на улице вздохнул свободно. Чуть отошел от магазина, через плечо покосился: не глядят, раскрыл коробку. Здесь, при солнечном свете, ботиночки казались еще лучше: шелковистый мех внутри — тепленькая пещерка, кожа гладенькая блестит — игрушечка, и только.

Алексей невольно на свои башмаки поглядел и усмехнулся, подумал, что надо бы как-нибудь тоже приобуться.

В гостинице Ольга, ботиночки увидев, с ходу запричитала:

— Сдурел, сдурел! Либо выпил?! Точно, пьяный! Да как твоя башка сообразила?! — Она цену сразу почувяла, но все же спросила: — Сколь?

Алексей ответил.

Ольга заплакала.

— Дурак. Последнюю денежку. Хотя бы подумала твоя башка, мать их оденет ли? Да за такие деньги. Дочь невеста... Хотела ей...

Ольга плакала, причитала, а сама меж тем взяла один ботинок и пыталась всунуть ногу в него. Но куда там с ее тридцать девятым. И у дочки ноженька не полезет — в маму уродилась. В досаде бросила ботинок на пол, сказала в сердцах:

— Иди, пускай денежки вертают. Скажи, не подходят.

Алексей обычно жену слушал, и теперь он понимал ее правоту. Как ни говори, а для матери... Одним словом, дороговато. Он понимал теперь, что погорячился, что виновата продавщица. Он все понимал, но снова идти в магазин и деньги просить назад он не мог. Режь его, убивай, с живого кожу сними — не мог.

Ольга отпричитала, отплакала и вспомнила:

— Верка заказывала, Дианова. Я и не думала ей брать. А у нее ножка маленькая, продадим.

И все успокоилось. Все пошло своим чередом. Таллин, экскурсии, потом самолет — и домой.

На хутор приехали ночью. Но дома не спали. Конечно, ждали их и детвора, и мать. Началась колгота. Старшая дочь примеряла обновки, малыши конфеты да пряники грызли. Мартиновна

радовалась со всеми вместе. Ей Ольга платок привезла, черный с розами. Недорогой платок, а приглядный.

Дочка в узлах да чемоданах копалась и углядела ботинки, те самые, желтенькие. Она их вынула из коробки, и в электрическом свете ботинки засияли — глаз не оторвать.

— Это кому? — спросила дочь.

Ольга нехорошо засмеялась:

— Это сынок маме купил. За шестьдесят рубликов. Выбрал.

Мартиновна, казалось, не слышала откровенной насмешки. Словно замороженная, встала она, подошла, взяла желтые ботинки в темные руки. Погладила верх, подошву, потом примерила. Ботинки оказались впору. Мартиновна по комнате прошла так легко, словно новая обувка сама пронесла ее от стола до порога и назад.

Ольга глядела молча, Алексей замер, и дети замолчали.

Мартиновна обувку сняла, поставила ее на стол, голову уронила и заплакала.

— Бабаня, ну, бабаня... — кинулась к ней внучка. — Чего ты... Гляди, какие хорошенькие.

Алексей тоже подошел, сказал:

— Мама, не надо.

Но Мартиновна плакала, и в слезах ее кто виноват был... Длинная нескладная жизнь? А может, те, трофейные ботики, с крючочками и шнурками, из молодости? Или вот эти?

Алексей не выдержал, вышел на крыльцо, закурил. Ольга выскочила вслед за ним. Пыхнув папиросой и проглотив ком в горле, Алексей сказал:

— Ты гляди не вздумай у нее забирать.

— Чего уж я, совсем, что ли... — прошептала Ольга. В глазах у нее стояли слезы.

АЛЕКСЕЙ КАРПОВ

БИОГРАФИЯ

Алексей Юрьевич Карпов, российский историк и писатель, родился 5 мая 1960 года в Москве. В 1982 году окончил исторический факультет Московского государственного педагогического института имени Ленина (ныне Московский педагогический государственный университет). Работал учителем истории и обществоведения в средней школе. С 1987 года — в издательстве «Молодая гвардия». Печатается с 1990 года.

Автор многих книг, статей и публикаций по истории России. В их числе — цикл биографических книг о князьях домонгольской Руси, охватывающий три с половиной века русской истории, и жития русских святых.

Фактически А. Ю. Карпов создал многотомную историю Древнерусского государства в био-

графиях его виднейших деятелей. Его книги, написанные на строго научной основе, знакомят читателя с истинной историей нашей Родины, опровергая домыслы многочисленных фальсификаторов и невежественных «реконструкторов» прошлого. Они правдиво изображают историю становления Русского государства, видя в ней не только процесс «собирания земель», но и духовный подвиг наших предков.

Историк уделяет большое внимание роли Православия в истории России, ее культуры и просвещения.

На соискание Патриаршей литературной премии имени выдвинул Союзом писателей России.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

В серии «Жизнь замечательных людей» (издательство «Молодая гвардия»):

- Владимир Святой (1997).
- Ярослав Мудрый (2001).
- Юрий Долгорукий (2006).
- Княгиня Ольга (2009).
- Александр Невский (2010).
- Батый (2011).
- Андрей Боголюбский (2014).

- Владимир Мономах (2015).

Другие книги:

- Православные святые и чудотворцы (М., 2005).
- Сказания Русской Летописи (в пересказе для детей) (М., 2009).
- Исследования по истории домонгольской Руси (М., 2014).

РУССКАЯ ИСТОРИЯ БОГАТА ВЕЛИКИМИ СВЯТЫМИ

ИНТЕРВЬЮ

— Эта тема стала для меня главной и, по существу, единственной, начиная еще с первого курса, едва ли не с первого семинара по истории СССР периода феодализма (так это тогда называлось), который с сентября 1977 года вел наш учитель Аполлон Григорьевич Кузьмин, светлая ему память. Выдающийся исследователь Древней Руси, он умел увлечь, «зажечь» интересом к русской истории своих студентов, меня в том числе.

— Книги, о которых Вы говорите, связаны между собой. Для меня прежде всего важно не столько рассказать о конкретном человеке, сколько проникнуть в понимание соответствующей эпохи. В совокупности же те восемь книг, которые вышли в серии «ЖЗЛ», охватывают три столетия русской истории — с середины X века, когда Русь начала становиться христианской, до середины XIII века, когда монгольское завоевание по существу положило конец существованию особой, древнерусской цивилизации. И в этом смысле все они для меня равноценны — именно как составные части единой картины рус-

ской истории этого времени. В том числе, между прочим, и биография разорителя Руси Батгия, которая, на мой взгляд, вполне «встраивается» в этот ряд. Прежде всего, потому, что понять содержание этого переломного момента русской истории через биографию кого-либо из русских князей, увы, не получится: для этого нужен, так сказать, взгляд извне.

— Это очень сложная тема. Хочу подчеркнуть, что я писал и пишу именно исторические исследования, но отнюдь не жития святых. Тот факт, что большинство князей, о которых я писал, действительно причислены к лику святых, безусловно накладывал на меня как на автора особую, дополнительную ответственность. Но на методы работы, на, так сказать, исследовательский инструментарий это никак не должно было влиять. (Замечу, что один из князей, Ярослав Мудрый, был канонизирован уже после выхода в свет книги о нем в серии «ЖЗЛ».) Главное для историка — это объективность изложения, и всякие попытки идеализации того или иного исторического лица, попытки скрыть или сгладить те или иные «неприятные», невблагосклонные факты его биографии безусловно недопустимы. Выдающийся

ся исследователь древнерусской святости Георгий Петрович Федотов, говоря о князе Александре Невском, однажды заметил, что «канонизация святого Александра не канонизирует политики Невского героя». Эти слова могут быть отнесены и к другим историческим персонажам. Русская история богата великими святыми, и мы восхищаемся их подвигами, преклоняемся перед ними. Но при этом должны отчетливо представлять себе (или, по крайней мере, иметь возможность представить), сколь непросто был их путь к духовному совершенствованию, к подвигу веры.

Так, например, самые почитаемые русские святые из числа князей XII—XIII веков (будь то Всеволод-Гавриил Псковский или Игорь Киевский, Андрей Боголюбский или Михаил Черниговский) пролили в бесконечных межкняжеских войнах ничуть не меньше крови — заметим, крови своих же соплеменников, таких же русских людей, как они сами, — чем их соперники. Но это не мешает нам почитать их как мучеников или страстотерпцев.

ГОД 1053

ИЗ КНИГИ «ВЛАДИМИР МОНОМАХ»

Из «Повести временных лет»

У Всеволода родился сын от цесарицы грекини, и нарек ему [Всеволод] имя Владимир...

Владимир был первенцем переяславского князя Всеволода Ярославича, четвертого сына великого киевского князя Ярослава Мудрого. При крещении он получил еще одно имя — Василий. По словам самого Мономаха, оба имени были даны ему дедом, князем Ярославом Мудрым, — очевидно, в память о прадеде, князе Владимире Святом, Крестителе Руси, звавшемся Василием в крещении. Возможно, престарелый Ярослав даже приезжал в Переяславль, чтобы лично присутствовать при крещении внука и поздравить невестку, мать Владимира, хотя мог Владимир по-

явиться на свет и в Киеве, где подолгу жил его отец. Во всяком случае, впоследствии, на склоне лет, князь Владимир Всеволодович начнет свое знаменитое «Поучение» с таких исполненных гордости слов:

Яз, худый, дедом своим Ярославом, благословленным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею — Мономах...

Его появление на свет стало событием, выходящим за рамки одной только русской истории. Отец Владимира, переяславский князь Всеволод Ярославич, получил в жены не просто одну из

ВЛАДИМИР Мономах.

Царский титулярник. 1672 г.

иностранных принцесс, но византийскую царевну, дочь правящего в Византии императора Константина IX Мономаха (1042-1055). Родовое имя последнего — в переводе с греческого оно значит «Единоборец» — перешло к русскому князю. Так Владимир оказался внуком сразу двух могущественных правителей — Руси и Византии. Позднее киевский митрополит грек Никифор напишет, обращаясь к Владимиру:

Его же Бог... из утробы освятил и помазал, от царской и княжеской крови смесив...

Брак Всеволода Ярославича положил конец русско-византийской войне 1043 года. Когда он был заключен, в точности не известно, как неизвестно и имя супруги русского князя. Чаще всего полагают, что мать Мономаха звали Мария; об этом свидетельствует известная в двух экземплярах печать с греческой надписью: «Печать Марии Мо[но]махос (?), благороднейшей архонтиссы», и изображением святого апостола Андрея Первозванного (небесного покровителя князя Всеволода Ярославича, звавшегося в крещении Андреем); эту печать не без оснований приписывают супруге Всеволода. (В местных смоленских преданиях о перенесении иконы Смоленской Божией Матери из Константинополя на Русь мать Владимира, дочь императора Константина Мономаха, именуется Анной; в Синодике киевского Выдубицкого монастыря — Анастасией; в помяннике из Киево-Печерского патерика в редакции Иосифа Тризны (XVII век) — Евфросинией. Но все эти источники очень позднего происхождения, и ни один из них не может в полной мере заслуживать доверия.) Возможно, супруга Всеволода родилась во втором браке Константина Мономаха — тогда еще совсем не императора — с дочерью Василия Скліра (внука знаменитого мятежника последней четверти X века Варды Скліра) и племянницей императора Романа III Аргира (1028-1034). Впрочем, нельзя исключать и того, что она была незаконнорожденной дочерью Константина Мономаха от его любовницы Склірены (племянницы его второй жены), с которой Константин находился в длительной связи по крайней мере с начала 30-х годов XI века и которую, став императором, ввел во дворец с почетным титулом севасты. На Руси на такие вещи смотрели не слыш-

ком строго, как, впрочем, и в Византии; главное было в кровном родстве супруги русского князя с правящим в Империи родом.

Константин Мономах, представитель одного из самых знатных семейств Византии, стал императором в 1042 году, вступив в брак (третий для него) с 64-летней императрицей Зоей, дочерью императора Константина VIII. По вполне понятным причинам, этот брак остался бездетным, и со смертью Константина IX (8 января 1055 года) царская династия Мономахов пресеклась, так по существу и не успев начаться. Русский князь Владимир Всеволодович, между прочим, оказался единственным прямым потомком Константина Мономаха (пусть и по женской линии). Впослед-

ствии, в годы смут и постоянных перемен на византийском престоле, в Константинополе не могли не помнить об этом. Правда, сам Владимир вовсе не спешил реализовывать свои гипотетические права на византийский престол.

Указанный выше год рождения князя Владимира Всеволодовича может быть принят только условно. Летопись сообщает о его рождении под 6561 годом от Сотворения мира. Однако мы не знаем точно, какой из двух календарных стилей, известных в древней Руси, — русский мартовский (когда год начинали с марта) или византийский сентябрьский — был использован летописцем в этой статье. Второе кажется более вероятным, так как сентябрьским стилем датирована

ПОБЕДА русского войска над греками в 1043 г. Радзивилловская летопись. XV в.

кончина Ярослава Мудрого в следующей летописной статье. Если так, то рождение Мономаха скорее всего нужно относить ко времени между сентябрем 1052-го и августом 1053 года.

Спустя несколько месяцев после его появления на свет, 19 февраля 1054 года, скончался киевский князь Ярослав Мудрый. По завещанию, оставленному Ярославом, Русская земля была поделена между его сыновьями. Его старший сын Владимир умер еще при его жизни, а потому Киев и «старейшинство» среди братии достались следующему по старшинству — Изяславу. «Сего слушайте, как слушались меня, да будет он вам вместо меня», — наставлял отец сыновей на смертном одре. Кроме Киева, Изяслав получил также Новгород «и иные города многие киевские во пределах». Третий сын, Святослав, получил Чернигов «и всю страну восточную и до Муром», а четвертый, Всеволод, отец Мономаха, — Южный Переяславль (ныне город Переяслав-Хмельницкий, в Украине), а также Ростов, Суздаль, Белоозеро и «Поволжье», то есть земли в верховьях Волги. (Еще двое сыновей, младшие Игорь и Вячеслав, получили, соответственно, Владимир на Волыни и Смоленск, но оба рано умерли, и их владения поделили между собой старшие братья.) Главное же, что завещал князь своим сыновьям, — это жить в братской любви и не ссориться друг с другом. В памяти Ярослава навсегда должны были остаться картины братоубийственной войны за Киев после смерти его отца, в которой он сам пролил немало крови. И потому он стремился не допустить повторения этих страшных событий:

— **Се аз отхожу [от] света сего, сынове мои. Имейте в себе любовь, потому что вы —**

братья, единого отца и матери. И если будете в любви между собою, Бог будет в вас, и покрит вам противящихся вам, и будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и раздорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим. Но пребывайте мирно, слушаясь брата...

Эти слова своего деда князь Владимир Всеволодович будет помнить всю жизнь. И всю жизнь он будет пытаться следовать его наставлениям — правда, далеко не всегда успешно.

Можно думать, что «ряд» Ярослава предусматривал также определенный порядок замещения киевского престола в случае смерти «старейшего» Изяслава. Киевский летописец в статье под 1093 годом приводит слова, с которыми Ярослав незадолго до смерти обратился к своему любимцу Всеволоду:

— **Сыну мой... Если даст тебе Бог перенять стол мой по братии своей с правдою, а не с насильем, то, когда заберет тебя Бог от жития сего, ляжешь там, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя паче братии твоей.**

Нечто подобное, наверное, мог услышать от отца и менее любимый им Святослав: власть старшего брата должна была переходить к следующему по старшинству брату — но лишь «правдою», а не «насилием», то есть естественным путем, без распрей и раздоров.

Но этот более или менее четко оговоренный порядок распространялся лишь на ближайшее потомство Ярослава — его внуки в завещании не упоминались и их права на те или иные земли

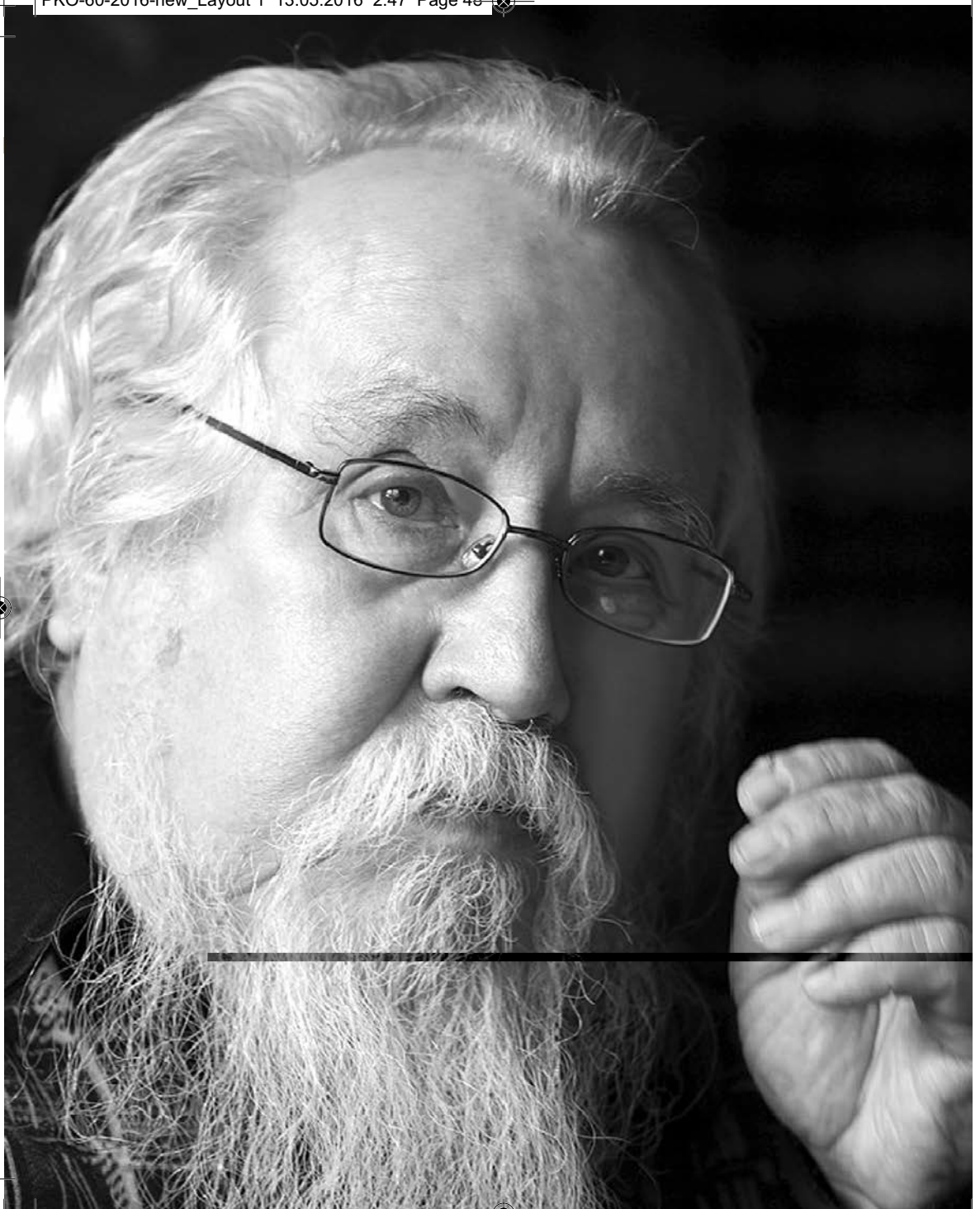

ХРИСТОС с предстоящими императором Константином IX Мономахом и императрицей Зоей. Святая София. Константинополь. XI в.

не оговаривались. Очевидно, о судьбе племянников должны были позаботиться их дядя. Но Русь последующей поры будет знать князей-изгоев — тех несчастливых потомков Ярослава, отцы которых закончат жизнь раньше своих братьев. И большинству таких князей-изгоев

придется силой доказывать собственные права на отцовские и дедовские престолы. С их притязаниями на те или иные княжеские столы постоянно придется сталкиваться и князю Всеволоду Ярославичу, и его сыну Владимиру Мономаху...

ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВ

БИОГРАФИЯ

Валерий Николаевич Сергеев, писатель, исследователь древнерусского искусства, родился 1 мая 1940 года в Москве. В течение 18 лет работал научным сотрудником в Музее древнерусского искусства имени Андрея Рублева, расположенном в стенах московского Спасо-Андроникова монастыря. Эта работа стала основой книги «Андрей Рублев», впервые изданной в 1981 году. Впоследствии она выдержала несколько переизданий (в последний раз — в 2014 году), была переведена на немецкий, итальянский, сербский, болгарский, венгерский языки. На основании дошедших до нас письменных источников и произведений искусства того времени ученый воссоздает картину жизни русского народа, в труднейших исторических условиях создавшего свою культуру и государственность. Всемирно извест-

ные произведения Андрея Рублева рассматриваются в неразрывном единстве с высокими нравственными идеалами эпохи. Перед читателем раскрывается мировоззрение православного художника, инока и мыслителя, а также мировоззрение его современников.

Как верующий человек и патриот России, ведет обширную просветительскую деятельность, направленную на ознакомление наших современников с культурой и традициями Древней Руси и принимал участие в поиске и спасении старинных икон и святых мощей.

В настоящее время является членом Союза писателей России, находится на пенсии.

На соискание Патриаршей литературной премии выдвинут Союзом писателей России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Путеводитель (1971; совместно с Л. М. Евсеевой).
- Живопись древней Твери (1974/1983; совместно Л. М. Евсеевой и И. А. Кочетковым)
- Рублев. (1981/1986/1990. Серия ЖЗЛ).
- Дорогами старых мастеров (1982).
- Русские православные праздники (1986).
- Рублев (Интер — терра, 1999).
- Андрей Рублев (2014/2015. Серия ЖЗЛ).

В. Н. Сергеев также является автором ряда научных статей по истории культуры Древней Руси и проблемам современного иконописания.

В МУТНОМ ПОТОКЕ ЧТИВА ЯРЧЕ ВЫДЕЛЯЮТСЯ ТАЛАНТЛИВЫЕ КНИГИ

ИНТЕРВЬЮ

— *Кто Ваш читатель? О чем и как Вы считаете должным говорить с ним? Как бы Вы сами могли характеризовать свои книги?*

— Начну свой ответ цитатой из Тютчева: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Продолжая эту мысль следует предположить, что пишущему человеку, если говорить серьезно, не дано знать, кто именно его читатель. Главная моя книга — о великом художнике Древней Руси преподобном Андрее Рублеве выдержала несколько изданий в России и была опубликована в переводах в Болгарии, Венгрии, Сербии, Австрии, Германии, Швейцарии и Италии общим тиражом свыше 500 тысяч экземпляров.

Кто мой читатель? Могу лишь догадываться, что книгу читали те, кому интересны и дороги русское православное искусство, культура и история России. Во всяком случае, содействовать распространению этого интереса — основной пафос моих книг, статей, документальных фильмов и телепередач, снятых по моим сценариям.

— *Как Вы оцениваете сегодняшнее состояние отечественной и русскоязычной литературы? В чем ее главные проблемы, и на что есть надежда?*

— Оцениваю так сегодняшний литературный процесс: в мутном потоке чтива — мусора, запо-

лонившего книжные прилавки, ярче выделяются честные и талантливые книги, которых тоже немало. Главная проблема в насущной потребности произведений, глубоко осмысляющих как современную жизнь, так и славную историю нашего Отечества. Лично для себя надеюсь в свои 76 лет успеть закончить начатую работу — книгу-биографию Евгения Евгеньевича Климова (1901-1990), одного из крупнейших культурных деятелей русского Зарубежья XX века, художника, иконописца, реставратора, искусствоведа, писателя-мемуариста и мецената.

— *Вы много пишете о преподобном Андрее Рублеве. Что из его деяний и наследия наиболее важно узнать и понять нашим современникам?*

— Прежде всего, хочу рассказать, почему эта тема стала одной из ведущих в моем творчестве. Окончив 1963 году филологический факультет Московского университета, где со второго курса под влиянием замечательной книги Дмитрия Сергеевича Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» и блистательных лекций незабвенной памяти Николая Ивановича Либана начал заниматься вопросами взаимодействия литературы искусств этого периода, я поступил на должность научного сотрудника в Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева, где проработал в общей сложности двадцать один год.

Там, в древнем московском монастыре на берегу реки Яузы мой герой совершал свой монашеский подвиг, умер и был похоронен в монастырском Спасском соборе, сохранившемся до наших дней. Здесь-то и созрел, и осуществился замысел книги, вышедшей впервые в 1981 году в серии «ЖЗЛ». Основное, что я хотел сказать в этой книге: преподобный Андрей был не просто великим художником, но святым монахом — иконописцем, жившим в православной стране в эпоху, когда православная вера была основной вехой жизненных путей отдельного человека, и судеб всего народа.

— Патриарх говорит о необходимости пересмотра школьного преподавания литературы и русского языка, и введения курса отечественной словесности. Как может строиться такой курс, что должно быть в него включено?

— Школьная программа должна быть составлена так, чтобы, освоив ее, наши дети и внуки захотели пуститься в добровольное и увлекательное плавание по безбрежному морю великой российской словесности.

Беседовала Вера Шарпова

ВЛАДИМИР — ИКОНОПИСЕЦ

ОЧЕРК (ПЕЧАТАЕТСЯ С СОКРАЩЕНИЯМИ)

5 ноября 1937 года на печально известном расстрельном полигоне НКВД в подмосковном Бутове смертью мученика окончил свои дни Владимир Алексеевич Комаровский — художник, иконописец, теоретик и практик возрождения канонического православного иконописания в русском церковном искусстве XX века.

Комаровский родился 8 октября 1883 года в Петербурге, в носившей графский титул аристократической семье с давними культурными и художественными традициями. Его двоюродный дед — поэт пушкинской эпохи Дмитрий Веневитинов (1805-1827), отец — граф Алексей Егорович Комаровский (1841-1899), художник-любитель и иконописец, в 1890 годах хранитель Оружейной палаты Московского Кремля, стар-

ший брат Василий (1881-1914) — известный поэт Серебряного века. Род Комаровских в России ведет свое начало от польского шляхтича, оставшегося на русской службе после событий Смутного времени в начале XVII века. Родовой титул графов Священной Римской империи, признанный и в России, получил один из его предков — русский офицер, первым привезший австрийскому императору известие о победе над войсками Наполеона.

Начальное образование будущий художник получил в московском Лицее имени Цесаревича Николая Александровича и в гимназии в Ялте, куда переехал после смерти отца и жил у деда по матери Василия Григорьевича Безобразова, представителя древнего дворянского рода.

Окончив три курса юридического факультета Петербургского университета, Владимир Алексеевич перешел в Императорскую академию художеств, но вскоре покинул ее и стал работать самостоятельно. Большое значение в становлении творчества художника имела многолетняя дружба с его двоюродным братом, графом Юрием Александровичем Олсуфьевым (1878-1938), знатоком и исследователем древнерусской иконописи, а также заказчиком многих его иконописных работ. Впоследствии Юрий Александрович послужит моделью одного из лучших портретов, написанных Комаровским. В 1904 и 1906 годах они вместе путешествовали по Италии, изучая произведения старых мастеров (этот блистательно образованный и разносторонне одаренный человек, в советские годы работавший реставратором в Третьяковской галерее, был арестован и в 1938 году приговорен к расстрелу).

В 1910-х годах Комаровский постоянно участвовал в выставках в Вене, Лондоне и других городах за границей, а также в Москве — в выставках «Союза русских художников» и «Московского товарищества передвижных выставок». К этому времени относится его эскиз мозаики «Благовещение», хранящийся в частном собрании в Лондоне. Живя в Париже, он знакомится с новыми тогда исканиями современных художников Запада, оказавших влияние на его творчество.

С начала 1910-х годов проявляется живой интерес Комаровского к русской иконописи. Он принимает участие в деятельности «Общества изучения древнерусской живописи». На многотрудный путь современного иконописания Комаровский вступит в 1911 году, когда совместно с уже известным в этой области искусства Дмит-

рием Семеновичем Стеллецким начнет писать иконостас в древнерусском стиле для церкви Константина и Елены в имении графов Медем «Александрия» под Хвалынском Саратовской губернии (1911-1913). <...>

В апреле 1912 года Владимир Алексеевич вступил в брак с Варварой Федоровной Самариной (три года спустя ее отец Федор Дмитриевич Самарин на краткий срок займет должность обер-прокурора Святейшего Синода, но вскоре будет уволен по личному требованию императрицы за попытку борьбы с влиянием Распутина. Комаровский хорошо знал о конфликте своего тестя с царской семьей и был целиком на его стороне). <...>

И глубоко верующий, прекрасно знакомый с иконописью древних мастеров, он благоговением продолжит труд иконописца. В 1913-1915 годах при участии Д. С. Стеллецкого Комаровский создаст иконостас для церкви преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле, в селе Буйцы Епифанского уезда Тульской губернии. По отзывам видевших его современников, это был великолепный художественный ансамбль, стилистически связанный с архитектурой храма, построенного по проекту (1908) А. В. Щусева в традициях древнерусского зодчества (освящен в 1918 году). <...>

Сейчас известно единственное случайно сохранившееся произведение из этого иконостаса, вывезенное владельцем имения из Буйцов — образ преподобного Сергия Радонежского работы Комаровского, замечательный образец канонической иконописи, ориентированный на творческое переосмысление древнерусских художественных традиций, настоящая, высокого стиля и уровня духовного содержания икона, ко-

МЕМОРИАЛЬНЫЙ комплекс на Бутовском полигоне

торую некоторые принимали за подлинное произведение шестнадцатого века.

Пишущему эти строки в 1970-х годах посчастливилось не раз любоваться этой дивной иконой в московской квартире племянницы Ю. А. Олсуфьева Екатерины Павловны Васильчиковой (1896-1994). На всю жизнь отложился в моей памяти этот поясной, на белоснежном фоне образ с молитвенно протянутыми руками, светящийся шоколадного оттенка багор на одежде святого, мягкие лессировки его вдохновенно-молитвенного лика.

Екатерина Павловна, добрая моя знакомая, всю свою долгую жизнь бывшая близкой с семьей Комаровских и даже состоявшая с ними в родстве, входила в круг лиц, послуживших живым связующим звеном между мной и героем этого пове-

ствования. И ее рассказы о Владимире Алексеевиче Комаровском подвинули меня заняться изучением его жизни и творчества. Что касается иконы преподобного Сергия Радонежского, то впоследствии она была пожертвована владелицей в единственную действовавшую тогда церковь близ Куликова поля в селе Рождествене — Монастырщине.

О печальной участи церкви на самом Куликове поле и ее иконостаса с горечью поведал А. И. Солженицын в рассказе «Захар — Калита». Конечно, церковь, переданная верующим, давно уже приведена в идеальный порядок, в ней теперь совершается служба, но чем восполнить утрату замечательных икон, погибших от извечного нашего варварства и равнодушия?

Летом 1917 года Комаровский с семьей пере-

ехал из Петербурга в Подмоскowie, в имение своей жены Варвары Федоровны Измалково, расположенное вблизи станции Переделкино по Киевской железной дороге. Их большой, вместительный дом вскоре принял лишившихся крова родственников и друзей. <...>

В это время художник сильно бедствовал, преподавая рисование в сельской школе, перебиваясь случайными заработками. В 1918-19 годах им была создана больших размеров Донская икона Божией Матери — суровый и трагический образ послереволюционной эпохи, вошедший в историю русского искусства как одна из лучших икон XX века (ныне в Покровской церкви Свято-Данилова монастыря в Москве).

Подробности о драматической судьбе этой иконы читаем в мемуарах свидетельницы и участницы — ее находки Ксении Петровны Трубецкой.

Мне, довелось тогда принять участие в поисках этой выдающейся иконы, организовав однодневную экспедицию в места, где она была создана. Несмотря на давность события, отчетливо встает в памяти то хмурое утро в конце зимы, когда встретился у Киевского вокзала с двумя другими участниками этой поездки. Уже сидя в электричке, с любопытством плебей внимал добродушной перебранке двух старых русских аристократок. «Ты, Тоня, совсем дура!» — говорила княгиня Трубецкая графине Комаровской, а та, явно привыкшая к такому определению своей близкой подруги, примирительно отвечала: «А ты, Ксана, зануда». Предметом ссоры был я. <...>

Антонина Владимировна, несколько лет не соглашавшаяся на данную экспедицию, не веря в ее успех, и теперь упрямо ворчала, что зря едем, что ничего не найдем, поскольку со времени созда-

ния иконы прошло пятьдесят лет, на что Ксения Петровна резонно возражала: «Валерий Николаевич находит в своих музейных экспедициях произведения, написанные и пятьсот лет тому назад». <...>

Сойдя на станции Переделкино, мы пешком отравились в ту самую большую деревню Рассказовку, тогда еще не снесенную с лица земли стремительно надвигавшейся городской застройкой. Здесь в 1930 году в последний раз видели разыскиваемую нами икону. В поисках ее мы заходили в каждую избу и рассказывая о цели нашего приезда. На кухне одного деревенского жилища видели небольшой прекрасный портрет молодой крестьянки работы Комаровского, написанный в манере Ренуара. Это было изображение бабушки нынешней хозяйки, которая знала, что портрет создан лет пятьдесят тому назад «измалковским барином» и наотрез отказалась продать памятную для нее вещь.

Зимний день уже клонился к закату, когда мы, наконец, попали в дом, в чулане которого обрели искомое. Икона была в прекрасной сохранности, но часть лика Божией Матери оказалась залитой чернилами — след ее использования в местном сельсовете в качестве письменного стола. Хозяин избы, молодой человек, к моему удивлению, придерживался издревле живущего в нашем народе убеждения, что иконы продавать грешно, долго отказывался от той скромной суммы, которую мы могли ему предложить, и взял деньги только на том условии, мы платим не за саму икону, но лишь за ее хранение.

Замерзшие, голодные и счастливые, мы уже в сумерках поймали такси и довели большую, размером примерно 120 сантиметров в высоту и 80 в ширину, написанную на массивной доске и

очень тяжелую икону до квартиры Антонины Владимировны в Мерзляковском переулке. Сначала икона реставрировалась в Музее имени Андрея Рублева Анной Степановной Веселовской и, после передачи святыни в Данилов монастырь в 1990-е годы, священником-иконописцем о. Вячеславом Савиных. <...>

В первой половине 1920-х годов Владимир Алексеевич Комаровский был духовным сыном почитаемого в Москве старца — отца Алексея Мечева (прославлен Церковью как святой праведный Алексей Московский), а после его смерти в 1923 году — священномученика Сергия Мечева, расстрелянного в 1940 году.

В 1921 году Комаровский был впервые арестован и провел три месяца в Бутырской тюрьме. Вся его вина заключалась в том, что у него в Измалкове гостили несколько друзей и родственников, но совершенно далекий от политики, Владимир Алексеевич был освобожден по ходатайству в ВЧК крестьян села Измалкова и окрестных деревень. Сохранился этот трогательно-наивный документ, возымевший, однако, свое действие — свидетельство заботы этих простых людей судьбе их бывшего барина: «Мы, граждане вышеуказанных деревень, общим приговором порешили ходатайствовать пред Чрезвычайной Комиссией о разрешении выпустить под общую нашу круговую поруку заарестованного в настоящее время гражданина В. А. Комаровского, состоящего учителем при нашей Сельской Самаринской школе; в нем ощущается крайняя необходимость, по его должности, как учителя». Местные крестьяне, вообще, любили Владимира Алексеевича за доброту и доступность и в те голодные годы тайком помогали ему, по ночам привозя

продукты, плоды своих трудов, и оставляя дары у дверей измалковского дома, о чем тронутый их заботой художник вспоминал всегда с благодарностью и гордился хорошим отношением к нему людей из народа. <...>

В 1925 году он снова арестован по надуманному обвинению в «принадлежности к монархической группировке бывшей аристократии». Несмотря на то, что его защиту выступили известные деятели культуры и группа из двадцати восьми измалковских крестьян, он был осужден и отправлен на три года в ссылку в город Ишим. Там, зарабатывая писанием вывесок, покраской заборов и крыш, продолжал заниматься творчеством — писал портреты и иконы.

27 августа 1937 года, в канун праздника Успения Божией Матери, Владимир Алексеевич арестован по грубо сфабрикованному ложному обвинению как «участник контрреволюционной монархической организации церковников, последователей Истинно-Православной Церкви» и препровожден в Таганскую тюрьму. Прощаясь с родными — детьми и лежащей в параличе женой, сказал только: «Молитесь Богородице». Расстрелян 5 ноября 1937 года и похоронен в общей могиле на Бутовском полигоне. Реабилитирован в 1960 году.

Среди современных мастеров церковного искусства он почитается как страдалец за веру и покровитель «святого ремесла» иконописания. Служатся панихиды об упокоении души раба Божия убиенного иконописца Владимира и, в надежде на будущее церковное прославление в сонме святых мучеников, пишутся иконные его изображения.

ТАРАСОВ
Борис Николаевич
РЕКТОР

БОРИС ТАРАСОВ

БИОГРАФИЯ

Борис Николаевич Тарасов, российский писатель, философ, литературовед, доктор филологических наук, заслуженный деятель наук России, родился 2 апреля 1947 года во Владивостоке. В 1973 году закончил филологический факультет Московского государственного университета, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, с 1985 года по настоящее время работает в Литературном институте имени А. М. Горького (в 2006-2014 годы в должности ректора).

Своим творчеством внес значительный вклад в процесс поворота современной отечественной литературы, культуры, общественной мысли к своим корням и истокам, возрождения христианских ценностей и духовных традиций.

Его неоднократно переиздававшиеся в серии «Жизнь замечательных людей» художественные биографии христианских мыслителей Паскаля (1979, 1982, 2006) и Чаадаева (1986, 1990) стали своеобразной классикой этого жанра. В его книгах художественная, социальная, философская проблематика творчества А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, Г. В. Флоровского, И. А. Ильина, А. Ф. Лосева и других русских писателей и философов, а также своеобразие дискуссий славянофилов, западников и почвенников, особенности правления императоров Александра I и Николая I раскрываются на ос-

нове православного понимания мира и человека. Подготовленные им двухтомник «Николай Первый и его время» и однотомник «Рыцарь самодержавия» оказали существенное влияние на преодоление сложившихся стереотипов и штампов по отношению к этому государственному деятелю и выявление разнообразного и богатого содержания николаевской эпохи.

Ученый и писатель является лауреатом международной литературной премии Ф. М. Достоевского, Всероссийской литературной премии имени Ф. И. Тютчева, Всероссийской премии имени Александра Невского, Бунинской премии, Горьковской литературной премии, премии Правительства России в области культуры, премии Правительства Москвы и ряда других.

Б. Н. Тарасов несколько лет являлся председателем экспертного совета Патриаршей литературной премии, возглавляет жюри Бунинской премии, российско-итальянского литературного конкурса «Радуга», российско-болгарского литературного конкурса «Славянское общество», российско-белорусского конкурса «Мосты дружбы», а также Тютчевскую комиссию при Научном совете «История мировой культуры».

На соискание Патриаршей литературной премии 2016 года выдвинут Союзом писателей России.

 БИБЛИОГРАФИЯ

- Паскаль (М., 1979, 2-е изд., 1982, 3-е изд. М., 2006, серия ЖЗЛ).
  - Поиски правды (М., 1984).
  - В мире человека (М., 1986).
  - Чаадаев (М., 1986, 2-е изд., 1990, серия ЖЗЛ).
  - Этические взгляды П. Я. Чаадаева (М., 1989).
  - «Закон Я» и «закон любви» (нравственная философия Достоевского) (М., 1991).
  - Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский (М., 1999).
  - Николай Первый и его время. Т. 1-2 (М., 2000).
  - Куда движется история? (Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции) (СПб., 2002, 2-е изд., 2013).
  - Мыслящий тростник (Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей) (М., 2004, 2-е изд., 2009).
  - Историософия Ф. И. Тютчева в современном контексте (М., 2006).
  - Рыцарь самодержавия (М., 2007).
  - Чаадаев в Москве (М., 2007).
  - Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе (М., 2008).
  - Петр Яковлевич Чаадаев (М., 2008).
  - Тютчев Ф. И. Избранные сочинения. Вступительная статья, перевод с фр. и нем., комментарии (М., 2009, 2-е изд., 2010).
  - Феномены западной культуры в контексте антропологических традиций эпохи Возрождения и христианской мысли (М., 2011).
  - «Тайна человека» и тайна истории (непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский, неопознанный Тютчев) (СПб., 2012).
  - Ф. М. Достоевский и современный мир (М., 2013).
  - Федор Иванович Тютчев. Юбилейное издание в трех томах. Составление, вступительная статья, перевод с фр. и нем., комментарии (М., 2013).
-

ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА СВЯЗАНА С ТАЙНОЙ ИСТОРИИ

ИНТЕРВЬЮ

— Вы с юный лет знали, что будете писателем? Или это пришло позже? Кто Ваши самые любимые авторы во всей мировой и русской литературе?

— Нет, конечно, с младых ногтей я об этом не подозревал. Тяга к писательству постепенно и подспудно вырастала в процессе, так сказать, запойного юношеского чтения произведений клас-

сиков русской и мировой литературы, прежде всего Достоевского и Шекспира, и знакомство с их художественными мирами, впечатление от которых рождало потребность собственных размышлений над тем, что автор «Братьев Карамазовых» назвал «тайной человека», парадоксально сочетающего в себе гордыню, тщеславие, зависть, властолюбие, сребролюбие, сластолюбие с представлением о совести, чести, справедливости, достоинстве, любви, милосердии, подлинной свободе. Эта борьба, говоря словами Гавриила Державина, «царя» и «раба» в душах людей стала предметом самого пристального внимания особо почитаемых мною таких русских и зарубежных писателей, как Пушкин, Гоголь, Тютчев, Толстой, Достоевский, Чехов, Шекспир, Сервантес, Паскаль, Бальзак, Т. Манн, У. Фолкнер и другие.

— *Есть ли в Вашей домашней библиотеке книги, которыми Вы особенно дорожите?*

— К таковым книгам можно отнести старопечатное Евангелие, Добротолюбие, полные собрания сочинений названных выше и других авторов, книги с дарственными подписями писателей и исследователей.

— *Ваша докторская диссертация написана об одном из интереснейших людей позапрошлого века — о Чаадаеве. Как и почему Вы начали заниматься этой темой?*

— Тайна человека самым непосредственным образом связана с тайной истории. Так называемый прогресс, метаморфозы и конечные результаты всяких «идей», «реформ», «революций»

обусловлены «царским» или «рабским» состоянием умов и сердец культивирующих их «людей». В конечном итоге именно духовное начало играет в истории первостепенную роль, определяя направление, содержание и характер творческой деятельности, цели и задачи использования тех или иных «внешних» достижений. Следовательно, «восходящее» или «нисходящее» развитие истории зависит не столько от изменяющихся социальных учреждений или научно-технических открытий, сколько от «внутренних» установок сознания, своеобразия нравственных принципов и мотивов поведения, влияющих по ходу жизни на рост высших свойств личности или, напротив, на их умаление. Чаадаев привлек мое внимание тем, что именно в таком контексте одним из первых остро и самобытно поставил вопрос об особенностях духовно-исторического развития России и Запада в их взаимоотношенности и способствовал образованию славянофильского и западнического направлений в русской общественно-литературной мысли, оказавшись в экзистенциальном центре их дискуссий.

— *Какая из Ваших книг наиболее дорога Вам?*

— Каждая из них дорога по-своему. Но если все-таки выбирать одну, то можно назвать книгу о Паскале, вышедшую четырьмя изданиями.

— *Каковы Ваши творческие планы?*

— В ближайших планах книга об актуальном значении русской классической литературы. Существует убеждение, что среда определяет духовный мир человека. Но ведь именно духовные,

нравственные, интеллектуальные, социальные, культурные ценности людей проецируются на окружающую действительность и влияют на ее изменение в ту или иную сторону. Многообразие устойчивых человеческих типов и исследовали наши писатели-классики, раскрывая в них иерархию взаимоотношений высшего и низшего, которые никогда не переставляются местами. Такие психотипы, как Скупой рыцарь, Гринев, Швабрин, Моцарт, Сальери, Татьяна Ларина, Евгений Онегин, Чичиков или Хлестаков, многие персо-

нажи Достоевского, Льва Толстого, Чехова – они и сегодня ходят среди нас, только в других одеждах с новым содержанием архетипических характеров и притязаний. Именно этим обусловлена современность классики в настоящем и будущем, которую нещадно эксплуатируют в театре и кино, зачастую извращая ее проблематику, акцентируя «раба» в человеке и забывая о «царе» в нем.

Беседовала Валентина Курицина

НЕУЗНАННЫЙ ФЕНОМЕН

ПАРАДОКСЫ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

СТАТЬЯ

Творчество Константина Николаевича Леонтьева занимает уникальное место в отечественной культуре второй половины XIX века. Однако его изучение осложнялось среди прочих причин и тем, что религиозные философы и «реакционные» публицисты нередко становились объектом превратно укороченной («либеральной», «демократической», «классовой») критики, а их произведения с немалыми трудностями входят в сегодняшний интеллектуальный обиход. Из-за репутации «самого реакционного» Леонтьев оказывается в этом ряду на совершенно особом положении, а его тексты до сих пор остаются «неузнанными».

Действительно, поистине самобытные и изначально парадоксальные философские опыты

Леонтьева, врача и дипломата, ученого и цензора, писателя и литературного критика, закончившего свой жизненный путь в келье Троице-Сергиевой Лавры, можно отнести к числу наименее удобных для линейно-рассудочного уяснения. В них причудливо и мерцательно совмещаются христианское мировоззрение и биологизаторский натурализм, эсхатологическое видение и эстетический позитивизм, православное смирение и политический волюнтаризм. Сугубую «разнородность» состава идей «неузнанного феномена» отмечал Розанов, улавливая в ней всеобъемлющий метафизический замах, «окно в бесконечность», принципиальное стремление соответствовать нередуцируемой глубине и сложности, противоречивости и открытости живой жизни.

Парадоксальный характер леонтьевской мысли во многом обусловлен особенностями его историософии, по-своему акцентирующей лейтмотивы теории замкнутых культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского. Провозглашая трезвый научный реализм, Леонтьев переносит методы естествознания в гуманитарную сферу, формулирует общую для всего сущего концепцию триединого процесса развития: каждый народ, государство, культура проходят одинаковые стадии накопления сил, разнообразного творчества, естественной старости и окончательной гибели, развиваются (по аналогии с любым человеком, животным или растением) от первоначальной простоты и бесцветности к оригинальности и сложности, а затем ко вторичному упрощению и уравнительному распаду. При этом выделяется эстетический критерий как наиболее универсальный и объективный обнимающий абсолютно все типы бытия («от минерала до самого святейшего человека») и удостоверяющий пик их жизненной активности и крепости.

В фаталистической перспективе «космического закона разложения» когда соответственно решительно отвергается всякая эвдемоническая идея «конечного царства правды и блага на земле» и неумолимо разоблачается утопическая вера в благость унифицирующего гуманистического прогресса, главной задачей, следовательно, становится точное опознание стадийального содержания той или иной культуры, полная вменяемость по отношению к тем последствиям и действиям, которые необходимо вытекают из проходимого ею исторического этапа. Согласно Леонтьеву, мощь и сила, красота и поэзия «эстетики жизни» наиболее полно и самоценно, отчетливо и ярко проявляются в периоды «цвету-

щей сложности», наивысшего подъема, самодостаточности и отграниченности различных форм в природе и обществе. Таким образом, эстетически окрашенная теория развития оборачивается морфологией, которая для него есть и наука о том, как, например, в растительном мире «оливка не смеет стать дубом», а в человеческом турецкий мулла — католическим епископом. В леонтьевской культурно-исторической морфологии предустановленная для каждого явления своя оригинальная форма (религиозная, социальная, бытовая) держится «деспотизмом внутренней идеи», ограничивающим «разбегающиеся, расторгающиеся» тенденции «общественного материала». По его убеждению, именно благодаря действительной разнице потенциалов, ос явс(д3)3046(6)12.3(Е

е

вейшей европейской жизни», «эстетического страха» и «художественной брезгливости» по отношению к последствиям «вторичного смешительного упрощения», которыми после Великой французской революции отягощено большинство стран. С его точки зрения, ослабление единящего католического духа и государственного централизма, распространение демократии и меркантилизма ведут к разрушению самобытных устоев, размыванию культурных границ, разлитою, смешению и однообразию исторических форм, нивелировке личности. Он не устает подвергать критике такие результаты «либерально-эгалитарного прогресса», как понижение человеческих идеалов, опошление творчества, узаконение мещанства, подчеркивать, что гигантские социальные, научные и технические усилия оказываются на поверку лишь исполнинской толчеей, «всех и все толкающей в одной ступе псевдогуманной пошлости и прозы; все это сложный алгебраический прием, стремящийся привести всех и все к одному знаменателю. Приемы прогресса сложны, цель груба, проста по мысли, по идеалу, по влиянию и тому подобному. Цель всего — средний человек, буржуа, спокойный среди миллионов точно таких же средних людей, тоже покойных».

Леонтьев считал (хотя и сомневался в этом убеждении), что Россия еще не вступила в последнюю стадию развития и потому может до времени избежать подобных последствий, если сумеет изолироваться от буржуазной Европы и стоически затормозить все равно неизбежные всесмесительные и уравнивательные процессы. Причем главным принципом организации всех сфер ее жизни должен служить «византизм», подразумевающий жесткое сословно-иерархиче-

ское деление общества, твердую самодержавную власть, каноническую православную церковность, традиционную крестьянскую общину, то есть те формы, которые «не дают материи разбежаться», оберегают обособленность и устойчивость оригинальной культуры и «деспотически» сохраняют «цветущую сложность».

В отличие от предшественников, «разочарованный славянофил», как называли Леонтьева современники, сравнивал самобытный характер европейской и русской культур не на основе своеобразия заключенных в них духовно-интеллектуальных установок и многовековых традиций, а исходя из несовпадения стадий их «биологического» роста. На стыке мистицизма и позитивизма в «гармонии» неизбежного противостояния добра и зла (по слову Тютчева, «чем ночь черней, тем ярче звезды»), «поэтической борьбы» сил «божественных (религиозных)» с силами «страстно эстетическими (демоническими)» ему открывались важные особенности течения истории, ее органических изменений и псевдоморфоз. Более того, целый ряд его наблюдений и выводов приобретает еще большую актуальность именно сейчас, когда за обманчивым фасадом постоянно усложняющейся и одновременно выравнивающейся внешней жизни все явственнее обнаруживается нигилистическое упрощение бытия. Предстоит еще оценить прозрачность его неоднозначных высказываний о социализме как новом рабстве и «феодализме будущего», способном на некоторое время не только «подморозить», но и «подтолкнуть» энтропийное сползание истории к однородной и однообразной цивилизации, о возможной роли научного изобретательства в осуществлении «светопредставления». Во всяком случае «ноосфер-

ным» оптимистам и энтузиастам «общего дела» придется учитывать аргументы леонтьевского пессимизма и натуралистического эсхатологизма, подверстываемого им на свой лад к евангельскому.

Вместе с тем нельзя не заметить, что «эстетическая» прививка к христианскому воззрению естествоиспытательского взгляда приводила к мутациям, в которых содержание разных культур как бы пряталось за их формой, а своеобразие «природного» и «социального», «материального» и «духовного», «светского» и «сакрального» в известной степени скрадывалось во взаимоотражениях, так что различие между красивым минералом и всесвятейшим человеком отступало на второй план перед их сходством. Такое своего рода «смешение» и «выравнивание» оборачивалось разъятием триединства красоты, добра и истины, полемически преувеличенным и искусственно заостренным противопоставлением «эстетики» и «нравственности». Если в идеально отвлеченном плане Леонтьев ставит выше всего «святое» и «душеспасительное», то в реально конкретном отдает предпочтение «страстному» и «поэтическому». Отсюда нередко нарочитые противопоставления жизненной силы и моральных требований, широты и чистоты духа, изящества и честности, «хищного» и «смирного» типа, обрядового этикета и евангельских заповедей, «мрачного» и «розового» христианства. Избыточная эстетизация религии и государства, социума и культуры естественно вела к известному умалению их нравственных сторон, к утверждению культа неосуждаемых победителей, что трудно согласовывается

с путями провозглашаемого Леонтьевым личного спасения.

Но даже с точки зрения «истинного реализма» (не говоря уже о иных) в подобном выборе сокрыты очевидные изъяны консервативного утилитаризма, дающего себя знать и в литературно-критических статьях. Например, тонко подмечая погрешности против художественной правды из-за тенденциозной идеализации Инсарова в романе «Накануне», Леонтьев сам допускает таковую по отношению к Вронскому в «Анне Карениной» и проходит мимо его аристократической пошлости и душевной неизящности.

«Истинный реализм» заставляет сказать и о том, что не только «биологическое», «эстетическое», но и «духовное», «нравственное» активно участвуют в охране бытия от распада и от парадоксов деспотического неравенства, ибо элементы несправедности и насилия в принудительном единстве и властной силе являются теми ферментами, которые изнутри подтачивают и разлагают «цветущую сложность», снижают достоинство жизни, готовят либерально-эгалитарную реакцию. Напротив, без «маленьких», «простых», «незаметных» людей, твердо различающих добро и зло, мир давно перестал бы существовать. Эта формообразующая и обновляющая сила «слабости», «невидимая» красота, что «сквозит и тайно светит» в совести и сострадании, в бескорыстии и любви, и не учитываются в глубокой и завораживающей метафизике Леонтьева, противоречивый максимализм которой и впрямь открывает «окно в бесконечность».

ПРОТОИЕРЕЙ АНДРЕЙ ТКАЧЕВ

БИОГРАФИЯ

Андрей Юрьевич Ткачев, протоиерей, миссионер, писатель, публицист и проповедник, родился 30 декабря 1969 года в г. Львове. В 15 лет поступил в Московское суворовское училище, по окончании которого два года обучался в Военном краснознаменном институте министерства обороны на факультете спецпропаганды со специализацией по персидскому языку. Отслужил в армии. В 1992-1994 годах учился в Киевской духовной семинарии. 6 мая 1993 года был рукоположен в сан диакона, а 5 ноября того же года — в сан священника. 12 лет был клириком Георгиевского храма во Львове. В 2005 году переехал в Киев. С 2006 года настоятель киевского храма преподобного Агапита Печерского. В 2013 году был руководителем миссионерского отдела Киевской епархии.

Благодаря его усилиям, на украинском телевидении (канал КРТ) появились еженедельные религиозно-нравственные программы «Сад Божественных песен» и «На сон грядущим». Много лет отец Андрей был бессменным ведущим этих программ. Так же при его участии был создан популярный на Украине и в России православный журнал «Отрок.ua», членом редакционной коллегии и постоянным автором которого отец Андрей является все эти годы.

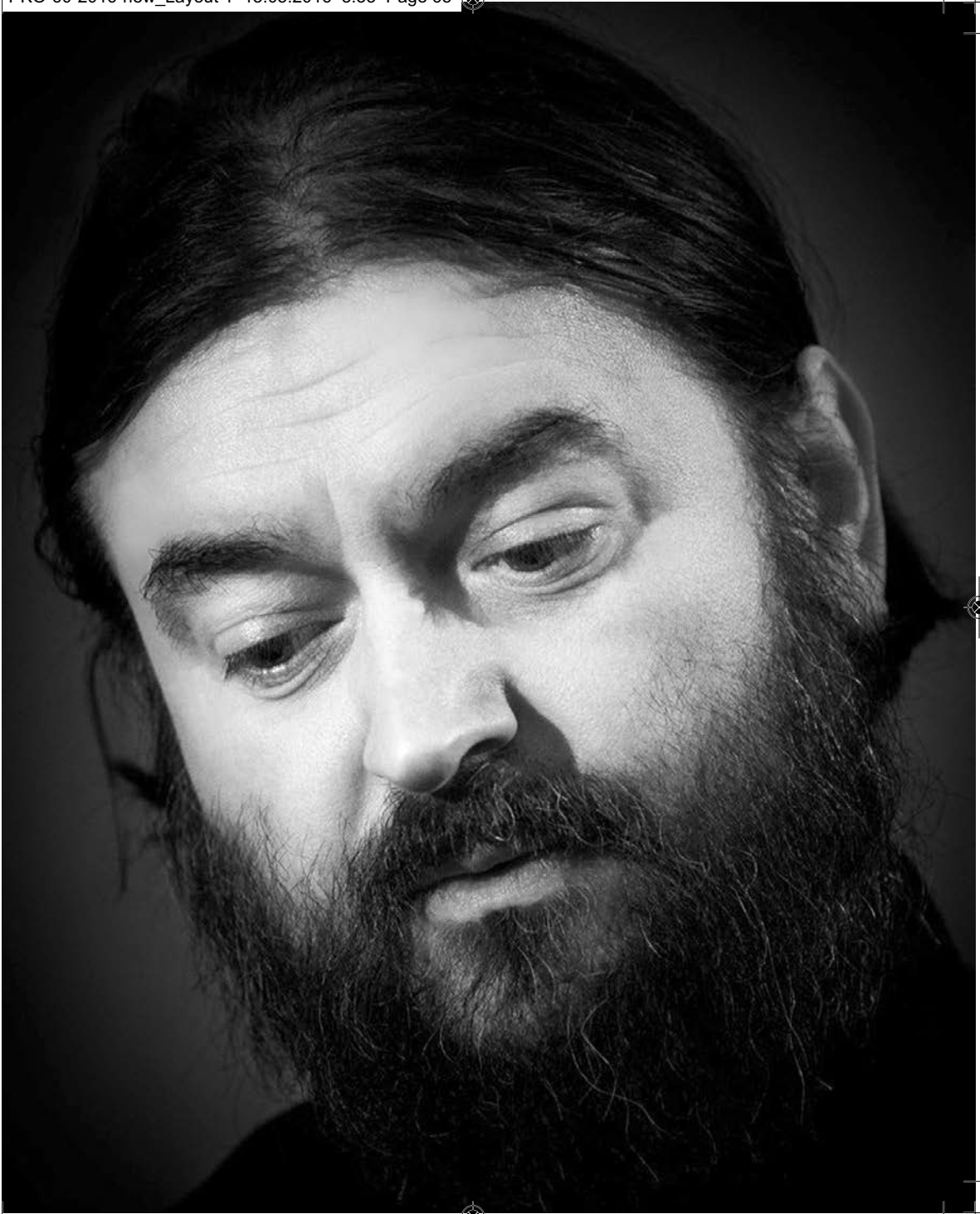
Но наибольшую известность отцу Андрею

принесли его книги — сборники эссе, проповедей, нравственных поучений и толкования на Священное Писание, рассказы. Все его произведения посвящены вечным вопросам — неосознанному одиночеству человека в мире и поиску им веры и счастья.

Являлся также постоянным автором интернет-порталов Православие.Ru, «Православие и мир». С 2014 года протоиерей Андрей Ткачев совершает свое священническое служение в Москве. По приглашению наместника Сретенского ставропигиального монастыря архимандрита (ныне епископа Егорьевского) Тихона (Шевкунова) на Православных просветительских курсах «Православие», проводимых Сретенским монастырем и Сретенской духовной семинарией, читал лекции на темы, изъясняющие Новый и Ветхий Завет (Чудеса Господа, Преображение Господне, Воскрешение Лазаря, притчи Нового и Ветхого Завета, пророки Исайя, Иеремия и Иезекииль), также был постоянным гостем на радио «Радонеж» и телеканале «Союз».

В 2015 году стал номинантом Патриаршей литературной премии.

На соискание Патриаршей литературной премии 2016 года выдвинут Патриаршим советом по культуре.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Смотри, небо становится ближе (М., 2008).
- Мысли о покаянии (М., 2009).
- Мы вечны! Даже если этого не хотим (Книга 1: Симферополь, 2009; Книга 2: Симферополь, 2012).
- Письмо к Богу (М., 2010).
- Тебе и мне Бог письмо написал (Киев, 2010).
- Первое чудо. Беседы о семье и браке (Киев, 2010).
- Крылатый лев и книга (Львов, 2010).
- Лоскутное одеяло (Киев, 2011).
- Человеческое измерение. Статьи и беседы (Киев, 2011).
- В присутствии Бога. Беседы о Ветхом Завете (Киев, 2011).
- Пыль на соломенных погонах (Киев, 2012).
- «Страна чудес» и другие рассказы (М., 2013).
- Земные ангелы, небесные человецы (М., 2013).
- Христос семи церквам (М., 2015).
- Беглец от мира (М., 2015).
- Проповедь о проповеди (М., 2015).
- Миссионерские записки (М., 2015).
- Возвращение домой (М., 2015).
- Почему я верю: простые ответы на сложные вопросы (М., 2016).

НЕ СТОИТ ИГРАТЬ В ВЕЧНУЮ СЕРЬЕЗНОСТЬ

ИНТЕРВЬЮ

— Как Вы оцениваете сегодняшнее состояние российской и русскоязычной литературы? В чем ее главные проблемы, и на что есть надежда?

— Как в современных условиях добиваться того, чтобы творчество деятелей культуры, утверждающих традиционные нравственные ценности, было бы востребовано не только во внутрицерковной среде? Как серьезной литературе выдержать конкуренцию с продукцией, создатели которой не ограничены ни материальными возможностями, ни нравственными нормами?

— Святейший Патриарх предложил провести масштабный форум для обсуждения того, как освободить преподавание литературы и русского языка в школах от привнесенных в него политических и идеологических элементов, отражающих разделение общества на политические лагеря. О чем бы сказали на таком форуме Вы?

— ?..

« » ?

( )

?

( ) .

« »

СВЕТОЧ мира. Художник У. Х. Хант. 1854 г.

1854 ( ),
2010- .

?

?

?

?

?

?

ИНКУЛЬТУРАЦИЯ

ИЗ КНИГИ «МИССИОНЕРСКИЕ ЗАПИСКИ»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Климент, митрополит Калужский и Боровский —

Архимандрит Алипий (Кастальский-Бороздин) —

М. Д. Афанасьев —

А. Н. Варламов —

«

»

Вениамин, епископ Борисовский, викарий Минской епархии —

В. Н. Ганичев —

Протоиерей Борис Даниленко —

||

В. Н. Крупин —

В. Р. Легойда —

Никодим, епископ Единецкий и Бричанский —

О. А. Николаева —

Протоиерей Владимир Савельев —

Протоиерей Владимир Силовьев —

Б. Н. Тарасов —

Тихон (Шевкунов), епископ Егорьевский, викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси —

В. В. Федоров —

М. Е. Шкатов —

«

»